

Андрей Чернецов Владимир Лещенко

Девичьи игрушки

Владимир Лещенко Андрей Чернецов Девичьи игрушки

Фензин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165462

Андрей Чернецов, Владимир Лещенко *Девичьи игрушки*: Альфа-книга, Армада; Москва; 2006
ISBN 5-93556-806-3

Аннотация

Какие неожиданности может преподнести обычная поездка в далекую северную губернию? Да никаких! Скука, и только. Примерно так и думал поэт и Академии Российской копиист Иван Барков, отправляясь в экспедицию за старинными русскими летописями. Но по приезде в В-ду столкнулся с таким, что в здравом уме никак не укладывалось. Псы-оборотни, змеи, крокодилы. А еще кровожадные разбойники, зловерные монашки и гнездо чародеев-чернокнижников...

На кого положиться, кому довериться? «Тайной дружине» владыки Варсонофия? Загадочной красавице-брюнетке, которая шпагой орудует почище, чем веером? Или немецкому вралю-барону, волею случая занесенному в российскую глушь?..

А закончилась вся эта странная история лишь спустя 250 лет, уже в наши дни. Причем именно там, где и начиналась. Но перед этим пришлось сильно попотеть майору Вадиму Савельеву и его новой знакомой, молодой журналистке Варваре Озерской, вышедшим на след таинственной «Книги Семизвездья»...

Ах, Судьба, девка-злодейка! И в какие ж это игрушки ты играешь?..

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Андрей Чернецов, Владимир Лещенко

Девичьи игрушки

Пролог

ПРИНОШЕНИЕ БЕЛИНДЕ

Сестрорецк, зима 1736 г.

Красный петух с золотым павлиньим «глазастым» хвостом осторожно высунул голову из дверей курятника. Пора солнце красное будить, но отчего-то не хочется драть голос спозаранку, да еще и по морозу-то.

Ох ты, горькое петушиное житье-бытье. Нет тебе, горемыке-кочету, на свете покою. Вечером ори, утром кричи, поднимай людей на ноги. А через какой-нибудь месяц-другой маслена головушка да шелкова бородушка будут выглядывать из горшка со щами.

От столь грустных мыслей кочеток приуныл, буйну голову повесил и даже чуть было не вернулся назад, на насест, досыпать.

Но инстинкт взял свое.

Петух горделиво, будто князь-воевода, вышел из своей крепости, расправил крылья во всю их орлиную ширь и, вытянув длинную с сизым отливом шею, затрубил зычным, отливающим медью кличем: «Ку-ка-ре-ку!»

Раз, другой.

В доме забегали, засуетились – пришел новый день!

Кочеток погодил немного, опять покричал. Еще чуток повременив, кукарекнул и в третий раз для порядку и, гордо подмигнув желтым глазом встающему из-за колокольни желтому лежебоке-солнцу, убрался в курятник к своим сварливым подружкам.

Ванятка открыл глаза.

Возле кровати уже стояла сестрица, ждала, когда он проснется.

Сегодня воскресенье, надо не опоздать к службе, а то батюшка, не приведи господь осерчает да и всыплет розог по мягкому месту. Уж больно он строг.

Мальчуган опрометью подхватился с перины. Шлеп, шлеп, шлеп – засеменил босоного к образам, наспех проглатывая: «И оставь нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим». Перекрестился и крикнул сестре:

– Скорей давай одеваться, а то не поспеем!

Девочка суетливо забегала по горенке, собирая разбросанную вчера братцем одежду. Принялась наряжать его. На ножки – малиновы сапожки, на ручки – теплые овечьи варежки. Укутала в зипун, подпоясала кушачком. Нахлобучив треух, отошла и полюбовалась. Ну герой, ну Бова-королевич!

Церковь была большой, деревянной. Остро пахло елью и смолой. Даже приторно-дурманящая вонь кадила не могла заглушить этого живого русского запаха, к которому примешивались и иные оттенки – квасной, дегтевый, сбитенный и... сивушный.

Ванятка посмотрел по сторонам. Люду было много. Как, впрочем, и всегда по воскресеньям.

Они с маменькой и сестрицей прошли почитай что к самому алтарю. Православные почтительно расступались, пропуская попадью с поповной и поповичем.

Из ризницы, словно Саваоф на облаце, выплыл отец Семен. Зыркнул искоса на семейство, удовлетворенно кивнул – вовремя. Хорошо еще, что не сказал свою любимую приговорку: «Вене», что на языке латынском, до которого, как и до зелена вина, батюшка большой охотник, означало: «Хорошо».

Служба началась.

Мальчик сначала пробовал сосредоточиться, но все попытки оказались безуспешными. Настроение было ну никак не молитвенное. Хотелось побегать по снегу, пососать сосульку тайком от маменьки, покататься на салазках с горы.

– И рече Господь ангелам! – читал трубным гласом батюшка с амвона.

Ваня присмотрелся к нему этак... По-особому.

И батюшка вдруг превратился в огромную кадку из-под огурцов, до краев наполненную зеленым вином. Из щели торчал огромный, красный, как уголь, нос, над носом две дырочки – глазки-копеечки, под носом дырища – зев, через который отец Семен частенько заливал пылающую душу проклятым Бахусовым зельем.

– И прихождаху сыны Божий ко женам земным!..

«Пора», – решил паренек и воровато огляделся по сторонам.

Прихожане самозабвенно крестились. Иные бабы всхлипывали, расчувствовавшись, – а на проповеди батюшка был мастак. Истинно Иоанн Золотоустый, как часто твердила супругу попадья.

А это что за ферт?

Длинная сухая фигура, одетая в дорогой, но уже какой-то вылинявший камзол. На голове нелепый «рогатый» парик из трех рядов завитых и напудренных локонов. В руках треугольная шляпа с перьями.

Видно, что из благородных.

Что-то раньше его здесь Ваня не примечал. Наверное, путник. Решил зайти, помолиться с дороги.

Ух, и глазищи же у него! Прямо до сердцов пробирают. Точно у коршуна, облюбовавшего добычу. И нос с птичьим клювом схож, такой же крючковатый.

Ваня бочком-бочком спрятался за столб и оттуда вновь посмотрел на ферта. Не следит ли?

Нет. Крестится, глядя на иконостас и позевывая.

Теперь уж точно пора.

Приоткрыл полу зипуна. Оттуда показалась и уставилась в мир святых, праведных и грешных петушина голова.

Ваня давно замыслил принести в церковь кочета. Слышал не единожды, как отец Семен говорил маменьке: «Хоть бы кто додумался пустить нам красного петуха. Авось тогда миряне бы расщедрились да соорудили белокаменную церковь вместо этих дров».

Вот парнишка и удумал услужить батюшке.

Сегодня, улучив минутку, когда за ним никто не присматривал, изловил птицу и сунул себе за пазуху, где кочеток и сидел, одуревший от испуга и духоты.

Сейчас, почувствовав себя на свободе, петух осмелел и, выждав, когда руки мальчика окончательно разжались, прыгнул на пол. Нахохлившись, будто мужик с перепою, глупая птица двинулась прямо на блестящую иерейскую ризу.

Вокруг послышался ропот и охи.

Длинный старик в парике с интересом следил за кочетом, не забывая при этом набожно класть мелкие кресты.

Отец Семен продолжал свой праведный труд:

– Вондем!

Петух, будучи по природе своей самым что ни на есть безбожником, меж тем вплотную приблизился к слуге Господню, распластал крылья и, высоко подпрыгнув, приложился клювом к пышному заду священнослужителя.

Отец Семен от неожиданности присел и повернул к прихожанам перепуганное лицо. В народе, сколько позволяло приличие, раздалась смешки. Ваня тоже не удержался и громко прыснул.

Чья-то рука, пребольно схватив за ухо, выволокла мальчика из храма на свет божий.

– Ты что ж это делаешь, охальник? – раздался над головой скрипучий старческий голос.

Паренек вырвался из клешней. Потирая пылающее огнем ухо, поднял голову.

Ферт! Вот привязался же.

Старик смотрел на озорника. В желтых, выцветших, как и его камзол, глазах не было гнева или осуждения. Одно любопытство.

– И сачем ты это сделал? – поинтересовался.

С чего бы это я должен ему все выкладывать, подумалось малышу. Однако какая-то непонятная сила заставила тут же поведать вопрошавшему, отчего да почему он совершил озорство.

– Теперь Петьку в щи отпра-авят... – заревел Ваня, закончив рассказ.

– Ну-ну, перестань, – погладил его по голове старик и протянул кружевной надушенный платок. – Такой большой мальчик.

Ага, большой. Только-только четыре годочка и минуло.

Паренек смачно высморкался и вернул носовик худосочному. Тот брезгливо принял кусок материи двумя пальцами, унизанными золотыми перстнями с большими камнями, подержал на весу да и выбросил в близлежащий сугроб.

Вот чудак. Надобно будет подобрать. Потом.

– Сначит, каваришь, отцу решил помочь? – с легким иноземным акцентом молвил новый знакомый.

Ваня кивнул и снова шмыгнул носом.

– Хм, хм! Надобно будет рассказать Белинде!

Старик взял мальчика за плечи и, притянув вплотную к себе, впился взглядом ему в глаза. Лицо с впалыми щеками густо напудрено, и все равно можно было разглядеть на нем старые шрамы, словно от ожогов.

Из его рта дурно пахло, и Ванюшка попытался отстраниться.

Не вышло. Ферт вцепился в него намертво. Да еще и мурлыкал себе под нос странную песенку:

Marlbrough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine...

Длился осмотр пару минут, показавшихся бесконечными.

– Прошивет грешно и умрет смешно... – пробормотал себе под нос худосочный и наконец отпустил добычу.

Развернулся и медленно пошел к расписному рыдвану, стоявшему неподалеку от церкви. С облучка мигом соскочил ражий молодец и услужливо распахнул перед стариком дверцу. Тот немного замешкался, что-то сказал своему служителю, вяло махнув рукой в сторону стоявшего столбом Вани. Кучер внимательно посмотрел на мальчика, кивнул и ответил худосочному на чужеземном наречии.

Мужчина в смешном парике уселся в рыдван.

Взмах кнута...

И только ледяные брызги прыснули из-под полозьев.

Погодив чуток, Ванятка подобрал выброшенный чудным стариком платок. Надобно будет маменьке подарить. Авось и минется.

Не минулось.

Досталось тощему Ванюшкину заду по первое число. И за озорство, и за глупость (ишь, чего удумал, щенок, красного петуха отцу подпустить!). Да и за кружевную тряпицу (не болтай с кем ни попада!).

В общем, сек тятенька, пока розга в руке не сломалась. Вторую брать не стал. Поглядел на баловника, вздохнул тяжело и истово перекрестился на икону Богородицы Казанской.

– Обороны и наставь, Заступница...

– Трапезничать идите, мужички! – позвала опасно матушка.

Отец Семен приобнял всхлипывающего сына за плечи, прижал к себе. Уже было поуспокоившийся Ванятка от тятенькиной ласки разнежился и снова залился белугой.

– Ну будет, будет ужо... – шмыгнул носом иерей, поднимая мальчика на руки.

Прошел к столу, уселся на лавку, не спуская ребенка с колен. Знал, что сидеть сынку на жестком дереве сейчас несподручно.

– Болит? – спросил участливо.

– О-ой, бо-олит... – загнусавил Ваня.

– А ты не балуй впредь. Не станешь?

– Не-эт!

– Вене.

Рука батюшки потянулась к штофу с анисовкой. Налил рюмочку.

– Спаси, Господи!

Откушал.

Тут же налил и вторую, теперь не забыв наполнить другую рюмку – для супруги. Правда, не водкой, а сладкой наливочкой.

На столе появилась огромная посуда с горячими щами.

– Кланяюсь тебе, батька, виновником! – пропела попадя, протягивая иерею глиняную дымящуюся миску.

Из нее торчала жирная петушиная нога.

– Вене! – кивнул священник, берясь за ложку.

Горло Вани перехватило, в носу зашипало.

– Пе-этя!

И слезы ручьем из обоих глаз. Сердобольная сестрица кинулась было утешать младшенького, но тятя сурово глянул на нее – не балуй.

В двери громко и требовательно постучали.

– Кого еще там нелегкая на ночь гляючи несет? – недовольно окрысился отец Семен и обратился к дочери: – Поди глянь.

Девочка белкой метнулась в сени. Там долго возилась с щеколдой. Потом о чем-то с кем-то негромко перемолвилась. Вскрикнула, всплеснула руками.

Иерей насторожился.

Его тревога усилилась, когда он увидел, что порог горницы переступил совершенно незнакомый человек, одетый в ливрею с галунами.

А Ванятка узнал служителя – рябого старика.

В руках у гостя было что-то большое, продолговатое и прикрытое платом.

Пришелец низко поклонился хозяину, поднявшемуся ему навстречу.

– Что за нужда, батюшка, привела тебя в дом смиренного слуги Господня?

– Имейте покушений, – с тем же, что и у давешнего Ваниного знакомого чужеземным акцентом, молвил лакей.

– Слушаю, кормилец, – принял важный вид отец Семен.

– Хочу сакасайт саупокойный месса о секодня умерший...

– Панихиду, – поправил иерей, а про себя сплюнул: вот немчура поганая.

– О, иес, паникида, – обрадовался гость.

– И каково имя новопреставленного? – взял перо в руки священник.

– Его сиятельство граф и кавалер, фельтмаршалъ Якоб Виллем Брюс! – отчеканил лакей.

– Охти, Господи! – Перо выпало из иерейской длани. – Так он же, кажись, еще год назад как переставился?! Про то и указ был...

– Ноу! – покачал головой слуга. – Три шаса насайт.

– В Петербурхе? – удивился отец Семен. – Не в первопрестольной? Там ведь вроде проживать изволили?..

И осекся, поймав суровый взгляд лакея.

– Да-да, – закивал поп, быстренько крестясь. – Царствие небесное, царствие небесное!

А Ваня подумал: «И когда ж это худосочный помереть успел? Намедни виделись-то. Такой крепкий дед».

– И еще один маленький порушений... – продолжил гость.

Он поставил на стол свою ношу и сдернул с нее плат.

Под покровом оказалась большая клетка, в которой сидел нахохлившийся черный ворон. Завидев людей, он шелкнул клювом и проскрипел:

– Поздор-рову ли будете?

– Свят, свят, свят, – запричитала попадья.

– Это Прохор, любимец его сиятельства, – пояснил лакей. – Фельтмаршалъ просиль, штоб ваш мальтшик присматривайт за птица. Он ошень-ошень ученый.

– Пр-рохор-р, – прокаркал ворон, слышав свое имя.

Сердце Ванюшки зашло от восторга. Птица! Говорящая!! Ему!!!

– А штоб не вводить вас ф лишний экспендичес... расход... – Графский слуга достал из кармана ливреи увесистый кисет. – Сдесь твенти... двадцать рублей... Это на прокорм Прохора... И кашдый год в этот время ви будет получайт такая же сумма... До тех пор, пока птица будет жив...

– Бат-тюшка! – чуть не повалился в ноги благодетелю иерей.

Еще бы! Такие деньжищи! Иной государев чиновник в год столько не получает. А тут на содержание какой-то птахи. Много ль она там съест?..

– Посфольте откланяйтся, – дернул подбородком ливрейный.

Отец Семен проводил дорогого гостя до самой улицы, все еще не веря такому нежданно свалившемуся на голову счастью.

А Ваня, даром что глаза слипались со сна, все вертелся у клетки с новым питомцем.

– Прохор, – ласково приговаривал мальчик, – Прошенька. Птичка разумная.

Ворон косился хитрым глазом, косился. А потом как загорланит:

– Бер-регись Пр-риапа! Очи бер-реги! Пр-риношение Белинде!

И что бы оно значило?

– Тьфу ты! – сплюнул вновь появившийся в горнице отец Семен. – Срамота! Имена бесовские! Недаром хозяин чернокнижником да колдуном слыл. Упокой, Господи, его грешную душу!..

Часть первая МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ...

Глава 1 ПОКОЙНИКУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

Москва, апрель 2006 г.

«Труп выглядел совсем как живой...» – идиотская фраза из какой-то юмористической газетки как нельзя лучше подходила к тому, что наблюдал сейчас майор Савельев.

Лицо лежавшего навзничь на дорогом паласе мужчины действительно выглядело вполне живым. Казалось, он прилег вздремнуть.

Да... Лицо спокойного и умиротворенного человека, вкушающего заслуженный полдневный отдых.

И как не вязалось это с тремя глубокими ранами, буквально разворотившими широкую мускулистую грудь! И уж совсем никак – с четырьмя кинжалами, перевернутым крестом вонзенными в живот и подвздошье жертвы – вероятно, уже в труп...

Поначалу майор даже решил, что покойник не видел своих убийц, а так и был застрелен (или заколот) во сне.

Но окровавленный, простреленный гобелен на противоположной стене и испачканное бурыми пятнами покрывало на низкой тахте говорили обратное.

– Черт знает что... – бросил Вадим Сергеевич вполголоса.

Его коллега, майор Куницын, лишь кивнул. И в самом деле, ситуация исчерпывающе объяснялась этой фразой.

Савельев еще раз оглядел мертвое тело, словно ища некую упущенную мелочь, которая объяснила бы все. Задержал взгляд на лице убитого.

Ни ужаса, ни ярости – обычное лицо обычного сорокалетнего мужика.

Мефистофелевская бородачка аккуратным клинышком, густые с проседью волосы, когда-то сломанный нос... Слегка несвежая камуфляжная майка, тренировочные брюки с лампасами, тапочки на босу ногу...

Ковер вокруг мертвого тела пропитался уже высохшей кровью. По величине пятна можно было подумать, что покойников было как минимум двое, но второй встал и убежал.

Майор потряс головой – эта бредовая мысль вполне подходила к обстановке роскошного особняка, хозяин которого сейчас лежал перед ними бездыханным.

Великий маг Серебряной ложи России, посвященный седьмой степени Тайн Змея, Хранитель Ключей Общины Китеж-града, телезнаменитость и консультант Государственной Думы по вопросам магии и эзотерики Георгий Юрьевич Монго, воскреситель покойников и духовидец, был уже часов шесть-семь как мертв. Надежно мертв.

Пожалуй, сам покойный, не раз бахвалившийся тем, что может оживлять усопших, себя, любимого, воскрешать бы не взялся.

Семен Борисович подошел к растерзанному гобелену, ковырнул здоровенную дыру.

– Расковыривали... Пули вытаскивали. Вот думаю, не серебряные ли? Жаканы, судя по размеру. Он вот тут стоял, где я. Били в упор. Помню, в семьдесят восьмом, в Новосибирске...

Борисыч пустился в воспоминания, которые Савельев слушал вполуха.

Семен Борисович Куницын был, пожалуй, самой колоритной фигурой во всем их «убойном» отделе.

Лет сильно за пятьдесят, седой как лунь, он был, что называется, сыщиком от Бога.

Его ум хранил подробности сотен и тысяч дел, и он мог запросто, лишь слегка войдя в курс, определить наилучшие пути расследования.

По совести, возглавлять бригаду должен был он, но при всех своих достоинствах майор Куницын совершенно не умел руководить людьми, закончил лишь среднюю школу милиции, плюс временами отличался склонностью к чрезмерному винопитию. Он и майора получил не без труда.

Поэтому-то и назначили Савельева, и теперь в бригаде имелось аж два майора.

Савельев присел рядом с мертвецом, еще раз осмотрел кинжалы.

Да, «перышки» нерядовые. Не какие-нибудь столовые ножи или самодельные финки – и даже не те сувенирные клинки, что теперь продаются чуть не на каждом углу и за которые еще в начале его карьеры можно было схлопотать изрядный срок.

Солидные, ручнойковки, на рукоятях черного дерева, обтянутых какой-то шероховатой серой кожей, – либо старинная работа, либо хорошая имитация под старину.

Оставив Борисыча наедине с трупом, Савельев прошел через двустворчатую дверь в библиотеку особняка.

Тут хозяйничал капитан Леша Казанский: внимательно осматривал помещение.

Библиотека выглядела внушительно и мрачно. На дальней стене, на выцветшем огромном ковре, висели сабли, мечи, кинжалы.

Зеленоватая полутьма, тяжелые портьеры, бра под старину. Дубовые панели выглядели так, словно им уже лет сто. На солидных стеллажах под стеклом вперемежку с современными книгами стояли древние инкунабулы, переплетенные в кожу. И вид их невольно навел на мысль о принесенных в жертву девственницах, с которых эта кожа была содрана.

Если книги настоящие, то стоить собрание должно было немало.

Впрочем, сейчас большая часть этого богатства была варварски сброшена на пол неопрятной грудой.

И в самую вершину ее был глубоко, на две трети длины, вонзен двуручный меч. Судя по пустому месту в коллекции, он прежде украшал ковер.

«Точно кол осиновый вогнали!» – с нехорошим холодком подумал майор.

Казанский словно услышал его мысль.

– Только что кошки дохлой да чаши с дерьмом не хватает, – раздраженно бросил он.

– В смысле? – нахмурил брови Савельев.

– Так вот у сатанистов, у некоторых сект ихних, черная месса происходит, – пояснил капитан. – Какашками помазание совершают... Я такое видал... – И вполголоса выматерился.

– Думаешь, Леша, сатанюги поработали?

– Да кто ж их знает? Удружили они нам, однозначно...

Савельев кивнул.

Шуму будет много – и повертеться на этом деле им доведется ой как!!

В соседней комнате бубнил что-то старший лейтенант Хасикян, ему отвечали всхлипы и плач.

Армен снимал показания у дамы, нашедшей труп и вызвавшей милицию.

Дама была под стать ситуации. По паспорту она значилась как Нина Ивановна Томская, двадцати шести лет, образование незаконченное среднее. Она же вещунья Алена, старшая жрица Серебряного Змея. И по совместительству – старшая... хм, жена в гареме покойника. Да, гарем покойника – тоже ведь забавно звучит.

– Что-нибудь вообще пропало? – осведомился Савельев.

– Свидетельница не знает и не помнит. Да и вообще она не по этой части: не мозгами работала.

Вадим Сергеевич кивнул.

Он уже знал, что Нина, хотя и занимала в фирме Монго достаточно высокую должность, но специализировалась исключительно на «сексуальной магии» да на украшении своими оголенными телесами разнообразных презентаций.

Покойный чародей вроде бы нашел ее чуть ли не в стриптиз-клубе.

Савельев с Куницыным поднялись на второй этаж. И тут в очередной раз майор удивился.

Изрядную часть одного этажа занимала самая настоящая химическая или, учитывая специальность хозяина, скорее уж алхимическая лаборатория, вполне уместная в берлоге самого настоящего мага. Длинные столы были заставлены беспорядочной грудой предметов. Огромные реторты, печки, тигли, разнообразные горелки, разнокалиберные сосуды с разноцветными жидкостями.

– М-да, – резюмировал свои впечатления от лаборатории Савельев. – Он что, золото добыть пытался? Или эликсир молодости варганил?

– Вот уж не знаю, – пожал Борисыч плечами. – Эта... Нина говорила, что жмурик наш изучал древние рецепты лекарств. А по мне, так запашок – один в один такой, когда наркоши ханку варят.

– Ну это ладно, а вот другое странно, – озадаченно почесал подбородок Вадим Сергеевич. – Внизу погром, а тут все чисто – ничего не тронули. А уж стекло перебить – это самое первое дело...

– Думаешь, инсценировка?

Майор потерял нос. (Водилась за ним эта дурная привычка. Только начинал нервничать или сомневаться, как рука против воли тянулась к внушительному органу обоняния.)

– Ну... не знаю. А у тебя версии есть?

– Есть, как не быть... – Борисыч усмехнулся. – Коллеги нашего Гарри Поттера завалили. – И добавил, ослабившись: – Конкуренция, мать ее...

– Ну не преувеличивай, – буркнул Савельев. – Сейчас все же не девяностые годы! Всем под солнцем места хватает.

– Как сказать... Полистать «Московский комсомолец» или «НЛО» – столько объявлений разных пророчиц и ясновидящих, колдунов да целителей понатыкано, что уже подумываешь, не в тридевятом ли царстве проживаем.

Они вновь спустились в холл и, пройдя анфиладой безвкусно декорированных помещений, зашли в небольшую комнатку.

Тут, как объяснила все та же Нина, было что-то вроде личного кабинета мага. Но не официального, а скорее рабочего.

Небольшой стол с компьютером, над которым уже колдовал лейтенант Зайцев, стулья и сейф – раскуроченный и выпотрошенный.

Возле него на асбестовом полотнище были разбросаны какие-то ошметки и обломки.

Пахло горелым металлом и сваркой.

– Что скажешь, Борисыч? Знатно шифоньер распатронили?

– Да я ж, еще как приехали, это видел. Сейф вскрыли сварочными термитными карандашами... Насколько можно понять, китайскими. На любом авторынке таких полно.

Савельев кивнул. Он знал эти штучки и, сам, будучи автолюбителем, пользовался ими не раз.

– Однако ж настойчивые ребята поработали. Прожгли верхнюю оболочку сундука, расковыряли керамическую термоизоляцию, а потом потихоньку, так, чтоб содержимое не попортить, проплавили дырочку, охлаждая сейф водой. А уж потом просто высверлили замок. Да, сообразительный парнишка попался, такой работы прежде видеть не доводилось.

И чувствуется, не из наших старых клиентов, а самородок! Видать, еще не раз предстоит нам с ним встретиться.

– А кто сказал, что это парнишка? – пожал плечами Зайцев, оторвавшись от компьютера. – Может, это девица какая-нибудь! Вспомните, Семен Борисович, в «Золотой чаше» ведь сигнализацию как раз девчонка раскурочила.

Он еще раз потыкал пальцами в клавиатуру.

– Черт, запаролен, сволочь, везти в управление придется!

Вошедший следом за Савельевым капитан, бросив лишь мимолетный взгляд на сейф, принялся изучать содержимое обычной шкатулки, стоявшей на столе.

Куча самых разных старых удостоверений, дипломов, аттестатов – судя по всему, не очень ценных.

Казанский вытаскивал то одно, то другое из шкатулки...

Паспорт покойника, военный билет... «годен ограниченно»; несколько дипломов об окончании курсов магии и гипноза каких-то затертых годов. Удостоверение об окончании неких железнодорожных курсов. Удостоверение инвалида третьей группы – «по общему заболеванию». Удостоверение кандидата в мастера спорта по вольной борьбе.

Корочки с лаконичным внутренним содержанием: «Карате. Школа кекоушинкай. Первый дан. Присвоен КГБ СССР». Явная лажа, конечно. На нем, впрочем, была и печать, и дата, кажущаяся уже невероятной, – 01.02.91.

Как раз в феврале того года он пришел в милицию: молодой, еще глупый, лишь только-только отслуживший в ВДВ и успевший повоевать в Карабахе.

Всхлипывая, вошла Нина-Алена, которую осторожно поддерживал за оголенные пышные плечи Хасикян.

– Вот... даже и не знаю, кто это мог сделать, говорю я вам.

– Хорошо, – кивнул старлей. – Тогда скажите: вы знали, что было в сейфе?

– Денег тысяч сто... – выдохнула секс-магичка. – В рублях и в валюте... Всякие украшения – для ритуалов... Немного, тысяч, может, на восемь... долларов... Несколько всяких старых книг – совсем потрепанных... О, еще были документы на недвижимость и на фирму! – радостно вспомнила бабенка.

– Кто еще знал о содержимом сейфа? – строго осведомился Армен.

– Лидка... то есть Смотрительница Ночных Залов леди Ровена... То есть... Господи, неужели это она Гошу?! – разрыдалась дамочка.

– Короче, – с нажимом произнес Хасикян. – Не отвлекайтесь!

– Лидия Ровнина, – утирая обильные слезы, произнесла жрица. – Вот... – Она протянула мобильник, извлеченный из выреза роскошного, черного с серебром платья. – Позвоните сами, я не могу... Третий в списке.

Лейтенант взял телефон, не преминув подержаться чуть дольше, чем нужно, за изящную женскую ручку в дорогих кольцах. Модель была из самых дорогих и навороченных; борясь с уличными грабителями, поневоле научишься разбираться в марках этих игрушек...

Пока Хасикян вызванивал означенную Лидку, пока объяснял ситуацию, за разработку свидетельницы взялся Борисыч.

Савельев тем временем обратил внимание на шкаф, наподобие картотечного в библиотеке.

На верхнем ящике – бумажка с короткой и лаконичной надписью от руки: «Про меня».

Ниже: «Про нас».

Третий: «Гайны мира».

Четвертый ящик был помечен: «Почта».

И наконец пятый, самый нижний: «Свежая почта».

В первом, как тут же убедился майор, лежали три пухлых тома альбомов, сплошь заклеенных вырезками из газет о деятельности покойного мага.

Их Савельев тут же передал Волкову, решив приобщить к делу. Точно так же, как и один том вырезок из следующего ящика.

В третьем лежали груды каких-то папок, но Савельев не успел обратить на них внимание, потому что Борисыч выдвинул нижний ящик.

– Так, – бросил он Савельеву, – взгляни-ка: тут пусто.

Майор понял старого сыскаря с полуслова.

– Скажите, – обратился он к вновь было начавшей всхлипывать жрице, – а вы обычно много писем получали?

– Да как когда, – сообщила Нина. – Все больше на фирму писали, то есть на адрес Высшей Школы Магии.

– А в последние дни?

– Вроде ничего... А, нет, – вдруг спохватилась вещунья Алена. – Вот, вспомнила... Вчера как раз на наш адрес бандероль пришла. Вот ее и нет. Как сейчас помню, Георгий ее в этот ящик положил! И еще так довольно подмигнул мне – прямо облизнулся. Что странно, именно на домашний адрес, на этот дом, а не на фирму...

– Он что-нибудь говорил?

– Нет будто бы. – Дама призадумалась. – Или вроде сказал? Как бы про себя. Ну дескать, теперь мы всем окажем... Или что-то такое...

– Обратного адреса не помните? – осведомился Казанский.

Нина отрицательно помотала головой:

– Там не по-русски было написано...

В кармане Савельева захрипела рация.

– Товарищ майор, там к дому идет кто-то, – сообщил оставшийся снаружи водитель.

Как по неслышной команде Зайцев и Казанский сунули руку за пазуху.

– Отставить, – бросил Савельев.

И в самом деле: кем бы ни были убийцы мага, и как бы ни были наглы, но не станут же они являться на место преступления спустя всего считанные часы после того, как сделали дело. Зато вполне вероятно, что гость может рассказать что-нибудь интересное.

Майор подошел к окну.

По дорожке к особняку шла девушка.

Джинсовый костюм, темные волосы, небольшая сумочка, открытое молодое лицо...

На представительницу столь размножившегося в современной России племени магов и чародеев решительно не похожа. Скорее просительница. Хотя на лице не было заметно ни волнения, ни груза проблем.

– Быстро же эта ваша Лида примчалась! – пробормотал Хасикян.

– Нет, это не Лидка, – бросила старшая жрица-наложница. – Эту лахудру я вообще знать не знаю.

«А чародей, видать, разнообразие любил!» – промелькнуло у Савельева.

– Нет! – вдруг встрепенулась вещунья Алена. – Вспомнила! Точно! Была она здесь пару раз. И три дня назад к Гоше... Георгию Юрьевичу подходила – вроде интервью просить! Из какой-то занюханной газетки. То ли «Тайные знания», то ли еще что-то такое... Слушайте!! – прошипела жрица. – Так это ведь она наверняка и убила Гошу! Истинно!

Глава 2

КАК ПО МОСТУ, ПО МОСТУ

Санкт-Петербург, зима 1758 г.

Поэту с утра хотелось водки.

Прямо никакой мочи не было, чтоб терпеть муки адские.

Голова трещала, словно там поселился рой диких пчел. Глаза лезли прочь из зениц. Сохло во рту. Руки дрожали мелкой дрожью. Да что там руки, все тело ныло, как после доброй порции розог.

А в карманах, как на грех, пусто. Впрочем, как всегда.

На последние деньги вчера устроил разгуляй-поле с академической братией. Теперь вот мучься. Еще целых пять дней. Когда подоспеет Прохоров пенсион.

Что бы он делал без «птичьих» денег на свои-то пятьдесят целковых в год – жалованье копииста? Хорошо хоть еще Михаила Василич, добрая душа, не обижает. Даром что профессор и академик, а нужду молодых знает. Сам через это прошел. Поддерживает своего помощника, чем может.

Сходить к нему, что ли? Нет, совестно. Уже дважды за сей месяц наведывался к благодетелю.

Но пять дней! Этак и с голодухи очочуриться можно.

Гос-споди! Как же затылок-то ломит! Ударил бы кто кулаком, право. Прочистил мозги грешнику.

Пять ден! Но потом рай-житье. Шутка ли – двадцать семь, а то и все тридцать рубликов!

Год на год не припадало. Поначалу, двенадцать годков тому, когда в отцовский дом принесли клетку с ученым вороном, на его содержание было положено двадцать рублей в год. Так решил покойный граф Яков Вилимович Брюс, с которым поэт, будучи четырех лет от роду, случайно познакомился в церкви, где правил службу его батюшка. (Царствие небесное им обоим.) Но уже на следующий год прислано было двадцать с полтиной. Отец Семен еще удивился. Вот ведь как – жизнь вздорожала, и денег стало больше. Словно кто-то прикинул убыль. Так и пошло. Двадцать два, двадцать три с гривенником, двадцать четыре с четвертачком. А то снова двадцать три.

Последние две выплаты, ровно с начала войны с пруссаками, были особенно щедрыми: двадцать семь и двадцать восемь рублей!

– Кормилец ты мой! – умиленно взирал на Прохора поэт.

Ворон скромно отмалчивался. Что есть, то есть. Но обычно в молчанку не играл, так и сыпля чеканными фразами. Все больше латинскими, к которым его приохотил еще принопамятный отец Семен. Но особенно любила вражья птица распевать похабные песенки сочинения своего молодого и непутевого хозяина. Ох, и пакостник!

Как-то поэт решил похвастаться питомцем самому профессору Ломоносову. Приволок клетку с Прохором в дом Михайлы Василича. Отобедали, чем Бог послал. Перешли в гостиную.

– Нуте-с, – ласково прищурился на Прохора академик. – Чем порадуешь старика?

– Федра, Августова отпущенника баснь «Волк и Ягненок»! – торжественно возгласил гость, протягивая руку к клетке.

Прохор отрицательно покачал головой.

– Никак, не желает латынских виршей сказывать? – подмигнул профессор дочери.

Лизавета Михайловна тихонько прыснула, глядячи, как раздосадованный поэт выдвигает коленца вокруг непокорного ворона.

– Давай, ну, давай же! – шипел он. И даже пригрозил: – Котам скормлю!

Такого несуразного поведения Прохор от хозяина не ожидал. Не заслужил, можно сказать.

Посмотрел искоса на поэта желтым глазом. Набрал в грудь побольше воздуха. Да и выдал:

О! Общая людей отр-рада,
П...а, веселостей всех мать!
Начало жизни и пр-рохлада,
Тебя хочу я пр-рославлять!

А вот это уж дудки! Никого прославлять Прохору не позволили. Схватив в охапку клетку и треуголку, поэт шампанской пробкой вылетел из дома благодетеля. Ему вослед несся здоровый мужской гогот великого гения России.

О конфузии господина копииста Ломоносов никогда не поминал. Только как-то раз, когда они вместе разбирали очередное трудное место из Несторовой летописи, вдруг хитро прищурился на помощника и поинтересовался:

– Ты это что ж, мою оду императрице сорок седьмого года имел в виду?

И тут же продекламировал для сравнения:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...

А потом ни с того ни с сего продолжил с того места, где был прерван Прохор:

Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт.

– Ну-ну... – И непонятно было, что хотел этим сказать профессор: то ли осуждал дерзкого подражателя, то ли признавал его над собой превосходство.

Однако ж организм требовал опохмелиться. Поэт стоял на мосту и тупо поплевывал вниз, в покрытую льдом реку. В голове уже не пчелы гудели, а большей лаврский колокол бил. Мимо него пару раз прошелся блюститель порядка, но поначалу приставать к праздному шатающемуся парню, одетому хоть и неряшливо, но прилично, не стал. И только видя, что время идет, а господинчик убираться восвояси не намерен, слуга закона приблизился и громко кашлянул.

Молодой человек обернулся.

– Что тебе? – Вперил глаза, полные неизбывной муки.

– Не положено, – заявил олицетворенный порядок.

Поэт хотел было послать прилипалу куда подальше, но сдержался. Лишние неприятности ему сейчас были ни к чему.

– Что так?

– Потому как першпектива, – пояснили ему. – Сама государыня ездить изволят. Так что проходите-ка лучше, сударь.

Он еще что-то говорил. Нудное и правильное. Но слова его не доходили до сознания поэта, а только еще больше ранили больную голову, стуча назойливыми молоточками по вискам.

– У тебя алтына нет?

Заплывшие жиром глазки вояки часто захлопали.

– Ась?

– Спрашиваю: есть ли у тебя алтын?

Правоохранитель враз приосанился, подобрался и грозно надвинулся на попрошайку.

– А ну убирайся отседова!

Поэт плюнул ему под ноги, развернулся и побрел восвояси куда-то в сторону Васильевского острова.

– Ходят тут всякие! – ранил его спину рассерженно-змеиный шип стражника.

Александр Петрович еще раз окинул хозяйским глазом накрытый к завтраку стол и благодушно вздохнул.

Хоть и Великий пост да денежные неурядицы, а жить можно. Тем паче что особой рьяностью в соблюдении церковных традиций господин Сумароков, по моде нынешнего века, отнюдь не отличался.

А потому неудивительно, что среди блюд и блюдечек с тертой редькой, солеными огурцами, кислой капустой, мочеными груздочками и клюквой (под анисовую – самое то) стояли и тарелки с «запретными» плодами.

Ну там тройная уха с налимами и молоками не в счет (не суточные же щи, в самом деле?). Да и блинки с икоркой и сметком. Это ж не устерсы. Дорого и несытно. Не по-русски. Хотя когда кто угощал, Александр Петрович не отнекивался. Вот на нынешнюю Масленицу у его сиятельства Ивана Ивановича Шувалова съел за обедом две (или нет, кажись, три) дюжины этих самых «frutti di mare», нарочно из Италии доставленных. Ох, и маялся же потом животом! Два раза кровь отворяли. Уж, верно, несвежие попались. Знамо дело – из такой-то дали везли. Хоть и на курьерских.

Балычку что-то скуднехонько нарезано. А вот куренок вроде порядочный. Размером с хорошую утицу. Постаралась драгоценная супруга. С любовью выбирала. Жаль, что нет ее сейчас. Вчера к вечеру уехала вместе с детушками в деревню, проведать захворавшую тетушку.

С чего бы начать?

Знамо дело, с нее, со знаменитой «сумароковки».

Эта славная настойка была известна многим из столичной писательской братии. Даже и тем, кто не вхож в дом Александра Петровича. Бывало, посылал кому бутылочку-другую от хвори или к празднику. Тому же Василию Тредьяковскому, хоть и недруг.

Конечно, он не Ломоносов, химии не учился, но составить букет из российских трав и кореньев сумел не хуже любого академика. Чабрец, зверобой, душица, анисовые зернышки и... Нет, сие есть тайна великая. Еще три компонента никому не сказывал. И не записывал, чтоб не проведал кто часом.

Взяв в руки вилку, примерился к закуси. Вот, недурственный груздок. Или лучше огурчик? Этот, махонький, с мизинчик. Из Нежина привезен. Для самого гетмана Разумовского. А глава Академии Российской расщедрился да и подарил первому российскому драматургу и пииту мешок сих славных плодов.

Александр Петрович даже подумывал оду сочинить по этому случаю:

Малороссийская олива!
Под солнцем щедрым возросла
Ты в том краю, что осчастливлен
Великим мужем, чьи дела...

Ну и так далее в том же духе. Писать подобные вирши легко и прибыльно. Глядишь, не только адресату понравятся, но и самой его высочайшей покровительнице. Тогда не то что огурцами, деньжатами могут одарить. Или деревенькой. Хотя планида российского стихотворца тяжка и неприбыльна. Не то, что альковная служба... Вот там настоящие деньги и возможности.

Ну во здравие!

Ух, чтоб тебя. Чуть не подавился водкой.

– Тебе чего? – зло окрысился на не вовремя зашедшего слугу.

– Господин Расейской Академии копиист Иван Семеныч Барков пожаловали! – объявил тот. – Просить, что ли? Али сказать, что нету вас?

Знал, что хозяин всегда терял покой после визитов означенной персоны.

«Вот же принесла нелегкая! Или у него нюх на водку с закуской?»

Пока думал да гадал, в столовую, решительно отодвинув в сторону служителя, прошествовал злоязыкий буян. Не доходя до накрытого стола и не глядя на яства, а лишь на Александра Петровича, глаза в глаза, застыл и протянул руки вперед.

– Виват, Сумароков, первый российский стихотворец!

Сказав сие торжественным гласом, повернулся и пошел прочь.

У господина сочинителя от неожиданности отобрало речь. Он лишь мог что-то невнятно шипеть да скрипеть. Однако ж хватило сил показать знаками слуге, чтоб задержал визитера.

Рюмка «сумароковки» помогла прийти в память.

– Иван Семенович, любезнейший, да куда же ты так быстро?!

Вскочил на ноги и мигом очутился рядом с нечаянным гостем.

– А откусать? Чем Бог послал?!

Барков не стал долго, чиниться и упираться. Уселся за стол и сразу по-хозяйски налил себе водки. Да не в хрустальную рюмку, а в стакан. Хлобыстнул одним махом. Хакнул, не закусив. Посидел минуты две-три. Было видно, как перед тем зеленушное лицо его зарозовелось. В глазах заплясали веселые чертики.

– Чем новеньким порадуете читателя в ближайшее время? – благодушно поинтересовался у хозяина.

Тот словно ожидал позволения.

Приволок из кабинета пухлую рукопись и давай вдохновенно читать свежееконченную трагедию. Чуть было о завтраке не забыл. Слава богу, гость напомнил. Разлил «сумароковку» (на сей раз уже в рюмки) и провозгласил тост за Ея Величество Поэзию Российскую. Александр Петрович охотно поддержал. Закусили. Потом горяченького. За ним курица-балычок.

И вирши, вирши.

Подлинное застолье духа.

Господин копиист по ходу чтения делал замечания, и драматург часто дивился, как же это ему самому в голову не пришло. Шкарябал тут же на полях, чтоб не забыть поправить при белой переписке.

Наконец Барков с видом сытого кота откинулся в креслах и деликатно отрыгнул.

– Александр Петрович, не одолжишь ли рублем дней на пять?

Сумароков в душе заляк, но вида не подал. Рубль. Ведь не вернет, поди. А деньги немалые. Полведра водки купить можно.

– Э-э-э...

– Ежели нет, так нет. Без обид.

Как же, без обид. Не дашь, а потом так на весь Петербург ославит, как только один он и может. В своих срамных стишатах. Сколько раз сам Александр Петрович пробовал сочинять такие же. Не получалось. Вроде и слова те же, а бойкости да живости нет.

– Э-э-э... Ничего, коли будет мелочью? – Позвенел в кармане серебром да медью.

Помнится, завалилось там копеек восемьдесят семь или девяносто с позавчерашнего похода в книжную лавку. Не станет же нахал считать прямо здесь, на глазах заимодавца?

– Один черт! – заулыбался господин копиист.

Принял мелочь так, словно не ему, а он дает. Откланялся.

– А насчет конца третьего акта подумать надобно, – погрозил пальчиком. – Не гладко...

– Подумаем, подумаем, – согласился Сумароков, проворно выпроваживая гостя дорогого, пока еще чего не удумал присовокупить.

Не успел.

– Знаешь чего, Александр Петрович, – недобро прищурился гость, нахлобучивая на голову, треуголку.

Тревожно екнуло сердце.

– Я ведь, пошутил, – заговорщицки склонился Барков к уху драматурга. – Первый-то русский стихотворец – я. Второй – Ломоносов. А ты – разве что только третий!

И быстро вышмыгнул вон из дверей, провожаемый рыком смертельно раненного зверя.

Мост изогнул спину, словно кошка, поглаживаемая ласковой хозяйской рукою.

Народу об эту пору дня заметно поприбавилось.

И все равно этого прохожего слуга закона узнал. Тот, утренний грубиян. Снова стоит у перил и поплевывает. Чего, спрашивается, ему здесь надобно? Аль в другом каком месте плевать не может?

Подозрительно.

Чеканным шагом прошествовал к молодцу и кашлянул, грозно положив руку на рукоять сабли.

Молодой человек обернулся.

Ага, навеселе. Понятненько.

– Пройдите, сударь. Не положено.

– Как же, как же, – туманно улыбнулся грубиян. – Помню. Перспектива... Сама государыня...

– Вот-вот, – ответствовал стражник, а сам прикидывал, задержать разговорчивого субъекта до выяснения личности или нет.

– На вот тебе, – протянул к нему ладонь парень.

– Это чавой? – не понял вояка.

– Алтын. У тебя ведь нет алтына?

Стражник быстренько принял деньги и отошел. Чудной какой-то барин. Блаженный, что ли?

Жизнь заметно налаживалась. Теперь можно и домой. Прохор уже, чай, заждался. Полтора суток поэта не было дома. Надо бы купить носатому малый гостинчик. Восемидесяти пяти копеек, полученных от Сумарокова (вот сквалыга!), должно хватить до пенсионера. В случае чего у Михаила Василича когда заморит червячка. Лизавета Михайловна, опять же, сердце доброе, завсегда передает сухарь-другой озорной птице.

Внимание господина копииста привлекла странная группа, шествовавшая мимо него по мосту.

Двое солдат. А между ними – девка. Судя по наряду, из таковских. Что продают любовь за деньги.

Но что-то несуразное было в ее облике, что заставило поэта взглянуть на нее по-особому.

Странно.

В бедное тряпье была завернута... ожившая греческая статуя. Или нет.

Да ведь это же...

Богородица Дева, смилуйся!

Аристократический овал лица с впалыми щеками и чуточку высоковатыми скулами. Страдальчески стиснутые вишни-губы. И глаза... О, эти глаза. В них было столько муки, мольбы и вместе с тем всепрощения, что поэт чуть тут же не бухнулся коленями прямо на мостовую, в грязь, чтобы испросить прощения себе и тем, кто обрек ЕЕ на эти муки.

Мгновение... и видение исчезло. Только три спины. Две прямые, как палки, и одна согбенная, как от непосильной ноши...

– Водки мне! – едва сев за стол, велел поэт кабатчику. – И бумаги, чернил, перьев!..

Звякнул монетой по столу, чтоб дело пошло быстрее.

– Сей минут, господин копиист! – живо прибрал алтын подавальщик, пока посетитель не передумал.

Здесь поэта знали. Частенько хаживал и один, и с друзьями-приятелями. Вот как раз вчера и веселились. Живой деньгой расплачивался нечасто. Все больше брал в долг, Но отдавал всегда аккуратно. Потому и не отваживали.

Не глядя на малый графин и блюдо с соленой редькой и огурцами, он сразу схватился за перо и, разбрызгивая чернила, принялся писать.

Бранные, площадные слова марали белизну бумаги:

Как по мосту, по мосту
Повели в острог п...у.
Крепко скованную,
Ошельмованную.
Года три п...у судили,
По тюрьмам ее водили.
Присудили стерву, б...ь,
Чтоб в Сибирь ее сослать...

Гнев душил горло, рвал грудь свирепыми когтями льва. Вот вам, вот! Гады ползучие, звери лютые! Такую-то красоту – да в кандалы. Не может быть, чтоб она могла согрешить. Не может...

Хлоп – ударил кто-то рукой по плечу.

– А иди ты на...

И осекся.

– О-о, Харон! Снова по мою душу?

– Его сиятельство Ляксандра Иванович требуют тебя к себе, Иван Семеныч. Тотчас же...

Глава 3

СВИДЕТЕЛЬ НОМЕР ДВА

Москва, апрель 2006 г.

– Так, спокойно, ждем клиента, – заговорщицки пробормотал Вадим, не отрывая взор от садовой дорожки.

Сквозь зеркальное стекло ему было хорошо видно, как девушка неспешно поднялась по ступенькам, несколько секунд, слегка озадаченная, постояла перед полуоткрытой дверью...

(Да, удачно получилось, что и их «газик», и машина местного отделения стоят по другую сторону дома. Но как, кстати говоря, она прошла через ворота?)

Девушка вошла.

Спустя десяток секунд в коридоре послышался перестук каблучков, и вот гостья уже на пороге...

«Немая сцена!» – прокомментировал кто-то ехидный в душе Савельева.

Незнакомка стояла в дверях и с каким-то бесконечным недоумением и растерянностью разглядывала собравшихся.

Девчонка наверняка ни о чем таком не подозревала – либо в ней погибла гениальная актриса.

– Здравствуйте, – робко проронила она. – Я вот, понимаете...

– Сука!!! Гадина!!! Это ты Гошу!! – взвыла Нина, кидаясь на опешившую гостью.

Впрочем, пробежала она всего пару шагов – Хасикян элегантно маневром перехватил разбушевавшуюся жрицу и принялся удерживать, несколько более нежно, чем можно было ожидать.

– Успокойтесь, мы разберемся во всем, – твердил он, как бы невзначай обнимая мраморные плечи помощницы покойника.

– Георгий Юрьевич? – Девица заметно побледнела.

– Убит, – констатировал Вадим. – А к вам, гражданка, у нас несколько вопросов.

Он хотел было уже предложить ей предъявить документы, но, видать, предчувствуя вопрос, девушка вынула из сумочки паспорт и молча протянула майору.

Из документа следовало, что перед ним Озерская Варвара Васильевна, 1983 года рождения, москвичка, не замужем, детей нет.

Изучая паспорт, Вадим краем глаза заметил, как Зайцев убирает руку от отворота пиджака, под которым висела кобура с табельным ПМС.

«Не наигрался еще в сыщиков, мальчишка!» – с насмешкой пожал плечами Савельев.

Тем временем Казанский изъял у все еще пребывающей в прострации Варвары сумочку и, проворчав под нос что-то вроде «Извините, гражданочка», вытряхнул ее содержимое на изящную лакированную тумбочку-столик, ценой, наверное, в тысячу евро.

– С какой целью вы проникли в жилище...

Тут Вадим запнулся – совсем с этим протокольным языком свихнешься.

– Короче, зачем вы сюда пришли?

– Понимаете... – Озерская машинально опустила на свободный стул, как раз напротив майора. – Я... Мы с Георгием Юрьевичем договорились насчет того, чтобы как раз в это время он дал мне интервью.

– Врешь ты все! – простонала Нина, размазывая по лицу слезы пополам с косметикой. – В постель к нему залезть желала! Все вы, заразы, от него одного и того же домогались...

Вадим Сергеевич про себя пожал плечами. Видно, совершенно очумевшую даму ничуть не смущало некоторое противоречие выдвинутых ею обвинений.

Между тем Алексей сосредоточенно изучал содержимое сумочки Варвары.

Маленький диктофон, недорогой фотоаппарат, всякие дамские мелочи и россыпь визитных карточек.

– «Москоу медиа групп», – прочел он вслух. – «Санкт-Петербургские известия». «Оракул Света»... И вы, простите, работаете во всех этих газетках? – В голосе звучало явное недоверие.

На лице Борисыча отразилось открытое презрение: по его мнению, бульварные газетки и газетчики, пишущие всякий бред, зарабатывая на обмане простаков, не заслуживали хорошего отношения.

– Я пишу для них. – Девушка все еще не оправилась.

Неудивительно, Вадим тоже бы растерялся на ее месте, направляясь на интервью к почтенному магу и наткнувшись на десяток суровых мужчин при исполнении.

Высокая, даже учитывая каблуки, в простой джинсовой куртке, с тонкими чертами лица.

Из-под густых ресниц смотрели ярко-синие глаза. Необычное сочетание – брюнетка с синими глазами.

Фигура изящная – не худая, скорее умеренно худощавая и стройная. Минимум косметики, но наложенной правильно и со вкусом – ничего общего с вульгарной «штукатуркой» блондинистой «жены» Монго.

И еще глубокое достоинство и умное лицо. Даже сейчас, когда девушка была явно не в своей тарелке.

Тут произошло событие, отвлекшее майора от созерцания свидетельницы.

Крышка столика, на котором были разложены ее вещи, вдруг бесшумно разъехалась, и снизу поднялась прозрачная чаша с подсвеченными тускловатыми огнями хрустальным шаром.

На несколько секунд внимание присутствующих переключилось на занятное происшествие.

– И как это понимать? – справился Борисыч у Нины.

– Это профессиональная фишка в магическом сообществе, – вместо Серебряной Жрицы пояснила Варвара. – Чтобы произвести лишнее впечатление на клиента. Вы, видимо, задели рычаг... Там сзади бронзовая кнопочка. Нажмите, и столик сложится.

Нина, всхлипывая, злым полупшепотом бросила в ее сторону обидное: «Развелось тут умных потаскух!»

А Вадим нервно поерзал на стуле: мало ли, тоже заденешь какой-то рычажок – и полетишь в услужливо распахнувшихся под тобой люк. От этих магов, выходит, всего можно ожидать.

Пока Казанский искал пресловутую кнопку, Савельев поманил за собой своего зама, и оба вышли из гостиной в коридор.

– Борисыч, понимаю, что задаю дурацкий вопрос, но все же: эта наша журналистка никак не могла быть замешана в убийстве?

– Ну если только в самую последнюю очередь... Да ты ведь и сам понимаешь...

Вадим представил себе сюрреалистическую картинку. В предрассветной тьме Варвара перепрыгивает через забор с двустволкой за спиной, входит в дом, на пороге которого девушку встречает улыбающийся Монго; они проходят в гостиную, где маг, придав лицу спокойное и умиротворенное выражение, становится к гобелену, после чего девушка, не торопясь, аккуратно целится и расстреливает кудесника в упор. Затем достает из своей сумочки кинжалы (которые туда однозначно не влезают), вгоняет их в еще теплое тело и спокойно уходит, стуча своими каблучками в двадцать сантиметров. А потом возвращается, чтобы запудрить мозги следователям.

Нет – сперва еще перезаряжает оружие. И стреляет в грудь покойнику третий раз – на всякий случай.

– Да нет... Я, так сказать, в общем смысле, – сделал Савельев неопределенный жест.

– Теперь уже, наверное, ничего не поймешь.

Когда они вернулись, Варвара с прежним выражением глубокой растерянности на лице собирала в сумочку барахло с вернувшегося в прежнее состояние столика, а Хасикян вполголоса все еще утешал блондинку.

– Значит, вы пишете в газеты? – спросил Вадим, обращаясь к Озерской.

– Ну да, – пожалала плечами журналистка. – Магия и оккультизм – это мой профиль. Я филфак МГУ закончила.

Борисыч удивленно вздел брови, а у Вадима отчего-то снова зачесался нос.

– И на чем специализировались?

– Древнерусская литература.

Ого! Солидно. «Древники», насколько разбирался в этом Савельев, были, что называется, филологической элитой. Приходилось пару раз сталкиваться по делам о хищениях предметов старины.

– И каким боком это соотносится со всей этой... магией? – поинтересовался заинтригованный Куницын.

Варвара улыбнулась.

– Круг наших древних текстов не ограничивается одним лишь «Словом о полку Игореве» или «Житием Сергия Радонежского». Были там и другие сочинения. Вот с ними как раз я имею дело.

– А-а, – протянул старый следователь, понимающе кивая.

Хотя, судя по его виду, ничегошеньки-то он не понял.

– Итак, вам поручили написать о Монго? – повернул ход допроса в нужное русло Вадим.

– Не совсем так, – затрясла головой Озерская. – Он сам на меня вышел...

– Сам? – поразился майор и переглянулся с коллегами. – Это как?

– Позвонил домой (и где только номер взял, ума не приложу) и пригласил к себе.

– Сюда или в офис?

– Сюда.

– И как давно это было?

– В конце прошлого месяца. Недели две с половиной назад.

– Ага! – торжествующе провозгласила вещунья Алена. – А я что говорила? Она, она Гошу извела, стервозина!

– Помолчите, свидетельница! – цыкнул на нее Хасикян.

– А дальше что?

– Предложил мне написать цикл статей о нем и его Высшей Школе Магии. Говорил, что журналистской братией столько ерунды вокруг его деятельности наворочено, что давно пора всем узнать правду «из первых уст».

– Гм, – недоверчиво хмыкнул Савельев.

Странное поведение для такого человека, каковым был Монго. Что-то здесь не так.

– Виделись ли вы с ним еще?

– Да, на прошлой неделе. На этот раз уже в Школе Магии. Он передал мне кое-какие материалы для обработки, но отчего-то больше интересовался моей скромной персоной.

– Гадюка! – прошипела Томская.

– Что конкретно его интересовало? – спросил Вадим, не обращая внимания на жрицу Серебряного Змея.

Он почуял след. Неявный, но хоть какой-то.

– Моя родословная, – пожала плечами Варвара. – Дедушки, бабушки-прабабушки. Чем занимались, чем интересовались, не осталось ли после них семейных реликвий... А под конец таинственно пообещал, что через три дня меня страшно удивит. Это как раз сегодня...
– Вот и удивил... – начал было Савельев, но закончить фразу не успел.
Тишину разорвало гудящее шипение, сменившееся хриплым мертвым карканьем.
И сразу же за ним раздался истошный визг...

...Он шел по вечернему кладбищу мимо подозрительно свежих могил и древних покосившихся крестов, мимо опрокинутых надгробий, покрытых вязью непонятных письмен и заросших травой ям.

Страшно не было, и, более того, его совсем не удивляло, что он здесь очутился и спокойно разгуливает среди залитых медно-красным светом луны могил.

Смотреть по сторонам он все же опасался, краем глаза улавливая какое-то непонятное движение среди могил и спиной ощущая чьи-то нехорошие взгляды.

А между тем ноги будто несли его вперед.

Ветер раскачивал старые деревья, и те скрипели, точно мертвецы своими костями.

Вадим ускорил шаги.

Наконец он очутился возле разрушенной часовни, чья свинцовая провисшая кровля угрюмо поблескивала под луной, а готический шпиль словно пронзал низкие облака.

Тут его ждали.

Навстречу выступила одетая в серый саван высокая фигура с ржавым топором на плече.

Савельев чуял, что нельзя показывать страх, и сказал первое, что пришло в голову:

– Привет покойничкам! И почему дровишки?

Почудилось, что из-под низко надвинутого капюшона ему улыбнулся гнилой череп...

Он проснулся, подняв гудящую голову от смятой подушки.

Зеленые цифры на экранчике дешевого китайского будильника показывали три часа ночи.

Неудивительно, что снится всякая гадость, – вчерашний день закончился просто отвратительно!

Но кто бы мог подумать, что идиотские часы с кукушкой какого-то эксклюзивного исполнения довели нескольких здоровых мужиков чуть не до нервного расстройства?! Что и говорить, юмор у покойного был специфический, да!

А когда в комнату ворвалась обезумевшая кошка, истошно вереща, к ней тут же присоединилась Нина. К чести журналистки, она не упала в обморок и даже не вскочила.

Зато вскочил Зайцев, выхватывая пистолет...

Дальше последовали несколько не самых приятных минут.

Нина надрывалась, кошка вопила, кукушка в часах тоже орала благим матом, а Вадим как дурак стоял у входа, не зная, что делать, и лишь вода глазами.

Казанский, наверное, совершенно одурев, принялся ловить кошку и умудрился прищемить ей хвост.

Сконфуженный донельзя Зайцев, спрятав пистолет, присоединился к Хасикяну в деле успокоения жрицы.

Затем все стражи порядка, чертыхаясь, изучали эти самые часы – сделанные под старину и напоминающие висящую на стене соседней комнаты копию избушки Бабы-Яги.

Пришедшая в себя Нина гладила и успокаивала Барсика – такое имя носил домашний питомец Монго, оказавшийся маленьким котиком сиамской породы. Потом она заплакала, целуя Барсика и повторяя: «Осиротели мы, маленький!»

Потом Савельев не глядя сунул протокол Варваре и распрощался с ней.

Наконец – машина спецмедслужбы застряла в пробке и еще четыре часа они сидели в этом жутковатом доме, чтобы сдать мертвеца, при этом слушая всхлипывания Нины.

Потом позвонила Лидия Ровнина и сообщила, что добраться не может. Виновата была та же самая пробка, и Савельев, мысленно посылая «леди Ровену» подальше, назначил ей явиться завтра (то есть уже сегодня) в управление.

Потом...

Спать уже не хотелось, но Вадим героически пытался заснуть – потому как день предстоит, видать, тяжелый.

Глава 4 ОДА ПРИАПУ

Санкт-Петербург, зима 1758 г.

И зачем он тогда выкрикнул «слово и дело»? Наверное, с перепугу. Да и подставлять спину под розги не хотелось. Ведь всего десять дней как был бит за непотребство, учиненное им в доме университетского ректора Крашенинникова.

Вообще же господам студиозусам частенько доставалось на орехи. А ему в особенности.

С того самого дня, когда в мае сорок восьмого года Иван, ученик Александро-Невской семинарии, а с ним еще четверо парней его возраста были зачислены в учрежденный при Академии университет, начались хождения по мукам.

В семинарии что? Зубрежка да молитвы. Шибко не побалуешь.

Университет – дело иное. Храм наук и учености. Вместо долгополой рубахи Ивана обрядили в штаны с камзолом, зеленый кафтан, чулки с башмаками, треугольную шляпу. А главное, дали шпагу с портупей.

Он был вне себя от гордости. Видели б его тятенька с сестрицей (матушку к этому времени уже Господь забрал). Вольность! Вольность! Вот о чем мечтается в шестнадцать лет.

Однако не тут-то было. Видать, и университетское начальство помнило о своих молодых летах и многочисленных соблазнах, подстерегающих пылких юношей на каждом шагу. Потому и разработало для воспитанников иерархию наказаний – общим числом в десять разрядов.

За ослушание начальства подавался рапорт в канцелярию, которая решала дальнейшую судьбу нарушителя, а до тех пор он находился под караулом. За непослушание ректору студент водворялся на две недели в карцер на хлеб и воду. За ослушание профессоров – неделя карцера; учителей – три дня. За обиду товарища словом – один день карцера, а рукоприкладством – рапорт в канцелярию. За пьянство полагалось при первом уличении – неделя карцера; при втором – две недели; при третьем – рапорт в канцелярию. За отлучку из общежития без позволения ректора или адъюнкта: за первый раз – карцер (срок – по усмотрению господина ректора); за второй – вдвое дольше; за третий – рапорт в канцелярию. Ежели студент не ночевал в общежитии: за первый раз – неделя карцера; за второй – две недели; за третий – рапорт в канцелярию. За пропуск лекций: на первый раз – серый кафтан на день; на второй – его же на две недели; на третий – на три недели и т. д. За невыученный урок: впервой – серый кафтан на день; на второй раз – на два дня; третий – три дня и т. п. За кражу – рапорт в канцелярию, а до назначения оной наказания – под караул.

Само собой, это не отвращало юных воспитанников от разнообразных шалостей. То и дело в академическую канцелярию летели рапорта тревожного содержания, сообщавшие, что господа студиозусы «по ночам гуляют и пьянствуют, и в подозрительные дома ходят, и оттого опасные болезни получают». Однажды, чтобы усмирить два десятка разбушевавшихся юнцов, было даже вызвано восемь солдат!

В этих проказах Иван не был заводилой, но и задних не пас. Был как все. Озоровал и учился, учился и озоровал. Математика, российская и латинская элоквенция, Священная история... В слишком больших количествах всего этого ни один растущий ум не выдюжит. Надобно ж иногда и отвлечься, чтоб раньше времени не состариться да не одряхлеть.

А денег катастрофически не хватало. Студенческое жалованье – три с полтиной на месяц. Много не погуляешь. Тем более что за каждую провинность взимались штрафы.

В марте пятьдесят первого Ивана, что называется, допекло.

Его с товарищами отпустили в город, чтобы они сходили в церковь. Парни же вместо этого решили просто прогуляться по Невской перспективе, поглазеть на хорошеньких барышень. И надо же такой беде приключиться – нарвались на ректора. Убежать убежали, но Крашенинников стреляный воробей, хоть и профессор, его на мякине не проведешь. Такой глазастый и памятливым, что просто жуть. Всех до единого запомнил и, явившись в университет, велел посадить в карцер.

Довольный собой, Степан Петрович пошел домой обедать. Разумеется, не хлебом и водой, на кои обрек провинившихся воспитанников.

Только сел за стол, как в дом к нему ворвался разъяренный Иван и принялся кричать на ректора, осыпать его бранными словами, выговаривая за несправедливые наказания и штрафы. Бедный профессор, гоняемый из угла в угол, вынужден был слушать упреки и угрозы студента. Утомившись, Барков заявил, что будет рад отсидеть свое в карцере, однако будет писать жалобу академическому начальству. Хлопнул дверью так, что та слетела с петель, и убрался восвояси. Однако ж не в карцер, как обещал, а по квартирам других профессоров, в первую очередь заступника своего и ходатая Ломоносова, в свое время рассмотревшего в шестнадцатилетнем воспитаннике лаврской семинарии «острое понятие» и способность к учебе и ходатайствовавшего о зачислении Баркова в университет.

У Ломоносова он тоже поносил на чем свет стоит Крашенинникова и своих друзей-приятелей, не сумевших дать ректору должного отпора.

Понятное дело, Степан Петрович обозлился выше всяческой меры. Написал рапорт самому президенту Академии графу Кириллу Разумовскому, в коем заявил, что ежели сей проступок будет отпущен Баркову без штрафа, «то другим подастся повод к большим наглостям, а карцер и серый кафтан, чем они штрафуются, нимало их от того не удерживают».

Его высокографское сиятельство изволило рассудить, что господин ректор в этом споре, несомненно, прав, а потому велело означенного студента «за такую учиненную им дерзость, в страх другим, при собрании всех студентов, высечь розгами». Но в конце суровой резолюции все же приписало и для профессора Крашенинникова особый пункт, чтоб он впредь «о являющихся в дерзостях, достойных таковому наказанию, студентах представлял канцелярии, отколе об учинении того наказания посылать ордера, а без ведома канцелярии никого тем штрафом не наказывать».

Высекли.

Тут бы Ивану и уняться. Но уже неделю спустя после экзекуции он, отлучившись из Академии, вернулся в нетрезвом виде и произвел такой шум, что для усмирения его товарищи были вынуждены позвать состоявшего в университете для охранения порядка прапорщика Галла. Завидев приближающегося к нему дюжего цербера, поигрывавшего шпагой, Ваня и выкрикнул страшную фразу, означавшую, что ему ведомы некие преступные умыслы против особы государыни.

– Слово и дело!

И враз оплыло недоумением суровое лицо прапорщика. Охнули соученики. Нахмурился и схватился за сердце профессор Крашенинников, а потом с безнадежной тоской посмотрел на неразумного: авось еще одумается.

Однако тот уже закусил удила.

– Слово и дело!!

Делать нечего. Под караулом отправили крикуна в Тайную канцелярию розыскных дел.

На пороге страшного здания его с рук на руки сдали кряжистому высокому мужчине с хмурой физиономией, на которой самой примечательной деталью был косой шрам во всю левую щеку.

Отчего-то Иван сразу же прозвал его про себя Хароном – у древних греков лодочником, перевозившим души умерших в край вечного забвения и бравшим за это монету, которую специально для этого клали родные в рот покойному.

Сей грозный муж платы за перевоз требовать не стал. Без лишних разговоров схватил студента за шкирку, хорошенечко встряхнул и поволок куда-то вниз. Не иначе как сразу в самый Аид.

Юноша глаза зажмурил от страха, а когда отворил да глянул вокруг, так едва разума не лишился.

Приведен был в темный с высокими сводами подвал, освещаемый пламенем небольшой кузнецкой жаровни да неровным светом трех восковых свечей, криво стоявших в тяжелом бронзовом канделябре. Над угольями жаровни некто полуголый, облаченный в кожаный передник и с таким же кожаным, с прорезями для глаз, колпаком на голове, раскалял докрасна щипцы на длинных ручках. Поблизости от него стоял огромный дубовый стол, на котором были разложены всевозможные щипцы да щипчики, ножи да ножички, иглы с иглолочками, шипастые нарукавники да ошейники и прочий инструмент для пыточного дела.

В двух шагах от сей мерзости в большом деревянном кресле с высокой «готической» резной спинкой восседал мужчина. Лет сорока, с несколько великоватой для тощего туловища головой, покрытой париком, из-под которого струился пот.

Заслышав скрип дверей, он обернулся и остро зыркнул на Ивана с его сопровождающим. Погрозил Харону кулаком и жестом показал: выметайтесь отсюда до времени. Не до вас, мол, сейчас. И вернулся к своему занятию.

Проводник снова обошелся со студентом тем же способом. За шкирку – да и с глаз головастого долой.

Оттащил недалече. В соседний покой, из которого в предыдущий вело небольшое зарешеченное окошечко. Втолкнув молодого человека внутрь, запер дверь и вернулся туда, к хозяину.

А Ваня прилепился к решетке, да и взглянул, как он это умел, по-особому.

Батюшки-светы!

Что ж это делается? Куда он попал?

В кресле вместо давешнего мужика в парике восседал, развалясь, сам бог плодородия и соития Приап. Обнаженный, жилистый, с огромной головой.

Перед ним, подвешенный за руки на дыбе, извивался жалкий плешивый старик, вся голова которого была покрыта уродливыми шрамами. Ивану почудилось, что он уже где-то видел этого старца. И даже голос его – скрипучий, с иноземным акцентом, казался знакомым.

– Ты что же это озоруешь? – устало вопрошало божество.

Пытуемый только тряс головой.

– Спать не снаю, ведать не ведаю!

– А кто на прошлой неделе занимался черной ворожбой? Вот, доносят, будто ты хватался, что спускался в подземное царство. Виделся с Прозерпиною, вопрошал у Плутона...

Приап поднес к глазам какую-то бумагу. Харон услужливо присветил ему канделябром.

– Вопрошал о здоровье Ея Величества...

Старик дико взвыл:

– Клевета есть!

– Да? Положим, что и напраслина, – как-то уж больно скоро согласился бог и почесал затылок. – А может, ты просто запямятовал? Стар ведь, в обед сто лет стукнет. Я моложе, а и то порой забываю, что делал не то что на прошлой неделе – вчера. Освежим память кавалеру-то, а, Кутак?

Некто в кожаном колпаке и фартуке сунул под нос старцу раскаленные докрасна щипцы. Тот дернулся всем своим тщедушным телом.

Не обращая внимания на его рев и стоны, Приап достал из кармана изящную золотую табакерку. Открыв ее, подцепил изрядную порцию табака и отправил себе в нос, при этом беззаботно напевая:

Marlbrough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine...

Громко чихнул, затем еще и еще раз. А затем вроде как вспомнил о своих не очень приятных и утомительных обязанностях.

– Ну что вы там противу здравия государыни замыслили? Каким таким колдовством лютым удумали извести самодержицу? Отвечай!!!

Отчетливый запах жареного.

И вопль:

– Плутон! Владык-ка-а! К тебе всываю-у-у-у!!!

Алое пламя до небес.

И темнота...

– Эй, отрок, очнись! – донеслось до студента сквозь небытие.

В лицо брызнули холодной водой.

– Сомлел, ваш сиясьство!

– Тащи его сюда, – отвечал усталый мужской голос.

Харон взял Ивана подмышки и поволол. Притащил куда-то, усадил на деревянный табурет и надавал по щекам.

– Давай, давай, очухивайся! Некогда тут с тобой возиться.

Сознание постепенно возвращалось к парню. Вот он вновь обрел способность соображать и опасливо глянул по сторонам. Зажмурился. Снова открыл очи.

– Чего зенками-то хлопаешь? – глумливо спросил человек в кресле.

Никакого старика с израненной головой в каземате не было. Равно как и «колпака» со щипцами. Помстились они ему, что ли? Ведь и жаровни след простыл, а на столе накрыта скатерть и стоит кувшин с вином, со стаканами да закуской.

Он принялся. Колбаса. Жареная.

При мысли о жареном чуть не стошнило.

– Ведаешь ли, кто перед тобой? – поинтересовался головастый.

– Приап... – ляпнул, не подумавши, и тут же прикусил язык.

– Ты чего, дурень?! – отвесил ему Харон тяжелый подзатыльник, от которого студент мало не сверзился с табурета. – Это ж его сиятельство граф Ляксандра Иваныч Шувалов! Уразумел?

Глава Тайной канцелярии! Вот угораздило же!

Античное прозвище, вероятно, показалось графу забавным. Возможно, даже лестным. Потому что растянул бледные губы в милостивой усмешке и жестом осадил излишнюю ретивость помощника.

– Я так чай, ничего полезного ты следствию сообщить не можешь? Ведь верно?

Пытливо уставился на Ваню.

Юноша склонил буйну голову и кивнул.

– Зачем слово и дело выкрикнул? Высечь хотели?

И опять кивнул студиозус. Все знает Александр Иванович. На то и поставлен государыней, чтобы знать обо всем, что только на Руси делается.

– Эх, Ваня, Ваня! Видел бы тебя покойный батюшка...

При воспоминании о скончавшемся прошлой зимой родителе парень горестно всхлипнул, а затем и разрыдался. Ревел, словно маленький, оплакивая свою минувшую и грядущую долю.

Шувалов не мешал. Лишь приказал Харону поднести гостю вина.

Гостю? Он не ослышался?

– Нет, Ваня, не ослышался, – прочитал его мысли граф. – После всего, что ты в университете натворил, показываться там прямо сейчас тебе не с руки. Да и для ведомства, кое я возглавлять государыней поставлен, будет порухой, коли так быстро на круги своя возвратишься. Оттого и приглашаю тебя недельку-другую у нас погостить...

Барков скукожился на табурете испуганным зайцем.

– Не дрожи, не дрожи, вьюнош. Разве ж мы такие страшные?

С притворным удивлением взглянул на помощника. Тот угодливо загоготал.

– А чтоб не так скучно тебе гостевалось... – Шувалов сделал паузу, – изложишь на бумаге все, что до нравов, в заведении вашем царящих, касаясь. Подробненько так, не скупясь на слова. О профессорах, о ректоре, о господах студиозусах. Ты ведь способный к сочинительству. Я ведаю.

Приап. Точный Приап! Так его оттягал. До изнеможения. Этак, что почувствовал себя распоследней непотребной девкой.

И правильно. Чтоб впредь неповадно было грешить. Чтоб знал, кому можно еть себе подобных, а кому и не положено.

«Прогостил» целых две недели.

И ведь таки написал, что было велено. Подробно, красочно, чуть ли не в лицах. Чисто тебе трагедия господина Сумарокова.

Строчил пером по бумаге, а перед глазами стояла иная картинка.

Приап в окружении залитых чужою кровью подручных. И пытаемый старец со шрамами на голове.

В голове сами собой складывались строки:

Но что за визг пронзает слух
И что за токи крови льются,
Что весел так Приапов дух...

Да оттого, что узрел новую жертву.

Се идет к нам х. дряхл и сед,
Главу его накроет шляпа,
Лишь ранами покрыта плешь.
Трясется и сказать нас просит,
Когда смерть жизнь его подкосит.
Затем он к вам сто верст шел пеш.

И пытки. И картины Плутонова царства, куда спускался чернокнижник. И зловещее пророчество о судьбе некоей старухи, которая, «пленись Приапа чудесами, трясется, с костью бредет», чтобы выпросить у всемогущего бога вернуть ей молодость и способность, как и прежде, предаваться разврату. Разумеется, государыня-императрица Елизавета Петровна не была поименована вслух. Но, как говорили древние латиняне, *sapienti sat* – умному достаточно.

Понятное дело, что все эти видения Иван доверил бумаге, лишь вернувшись в университетские пенаты. А перед тем положил перед ясными очами его сиятельства нетолстую кипу исписанных убористым (знамо дело, измененным) почерком листов.

Граф остался доволен, несмотря на то что сведения, сообщенные студентом, касались все больше нравственного облика персонажей – никакой политики. И даже похвалил за сметливость в отношении почерка. Еще и цидулку дал с собой к Ванину начальству, в коей прописано было, что «хотя он, Барков, за то подлежал жестокому наказанию, но в рассуждении его молодых лет и в чаянии, что те свои худые поступки он добрыми в науках успехами заслуживать будет, от того наказания освобожден».

С тех пор и завязалась их с его сиятельством странная дружба-любовь. Противная Иванову естеству. Но от которой не так просто было отгородиться срамной одой, ставшей первой в череде его потаенных сочинений.

Хотя отчего «потаенных»? Разве потому лишь, что их невозможно было напечатать ни в университетской, ни в какой-либо иной типографии необъятной империи Российской? Но и без того плодились в списках, словно мыши. Принося сочинителю, не особенно и скрывавшему свое имя, славу «русского Пирона».

Александр Иванович Шувалов о «проказах» подопечного тоже знал. И не придавал им большого значения, явно не желая узнавать себя в главном герое оды. При нужде и помогал. Например, вступился, когда уже буквально через месяц после их знакомства Ивана за буйный нрав таки исключили из состава студентов. (Барков никак не мог залить бушевавший в груди пожар. Но разве ж водкой заливают пламя, да еще и нравственное.)

В вечную матросскую службу, как то полагалось бы, Молодой человек сослан не был. Определили в университетскую типографию учеником. Да еще и назначили обучаться российскому штилю у профессора Крашенинникова, и языкам французскому и немецкому. И только по окончании учебных часов приходиться в печатьню.

Споспешествовал граф и дальнейшему продвижению своего подопечного по службе. Сначала в канцелярию Академии, переписчиком-копиистом, а потом, зимой пятьдесят пятого, – в личные помощники профессора Ломоносова, в коей должности Иван находился и поныне.

Чего же надобно его сиятельству на сей раз?

Уж не сплетен ли об академических распрях хочет услышать? О том, как грызутся между собой Михаила Васильевич с академиком Миллером? Так про то уже на любом петербургском перекрестке орут.

Попробовал остороженько выведать, что к чему, у Харона. Но тот был нем как рыба. Досадливо отмахивался. Дескать, приедем – сам обо всем узнаешь.

Александр Иванович за семь лет не шибко изменился. Все такой же жилистый, головастый, бледногубый. И ласковый-ласковый. Словно отец родной. Потрепал молодого человека по щеке. Хотел и винцом угостить, да глянул Ване в лицо, нахмурился и велел подать кофеню. Крепкого и с ватрушками.

– Слыхал я, Ваня, будто наострил ты лыжи из столицы в В-скую губернию? – прихлебывая ароматный напиток, оглоушил Шувалов.

В В-скую губернию? А ведь верно, чуть не хлопнул себя ладонью по лбу поэт. Как же это он мог запомнить? Потому и друзей давеча собирал, что надобно было обмыть грядущий отъезд.

– Так точно, – четко, по-военному доложил.

Граф это любил. Чтоб кратко и с выправкой.

– Иван Иванович Тауберт посылают по тамошним монастырям поискать списки старинных летописей. Поелику готовит к изданию Несторову.

– Вишь как... – вздел брови Шувалов. – Похвально, похвально. Радение о сохранении великого наследия нашего – это достославное дело. Еще сам Петр о том тщился. И разумная дочь его в том отцу наследует.

При упоминании государыни господин копиист сделал патриотическую мину.

– Вот что, голубчик, – продолжил Александр Иванович. – Не в службу, а в дружбу. Присмотрись там, на месте. Глаз у тебя востер, равно как и язычок.

Не сдержался-таки, лягнул.

Все он помнит да смекает, Приапище!

– К чему присмотреться, ваше сиятельство?

– Конкретно не скажу. Вообще. Слухи оттуда доходят странные и нехорошие.

– Так пошлите команду, и дело с концом!

– Те-те-те, какой приткий! Команду! Да кто ж позволит казенные деньги на проверку глупых баек тратить? За растрату самодержница с меня голову снимет! Самого в казематы упечет, как злодея Бестужева.

И быстрый пронзительный взгляд на визави при упоминании о неделю назад арестованном, а прежде всеильном канцлере.

Поэт и глазом не повел. Научился держать лицо. Немудрено за столько-то лет знакомства.

– Вот поразнюхаешь, дашь весточку, тогда и наступит время решительных действий. Как, по рукам?

Куда от него, Приапа, денешься? Задолбит ведь, сгноит в том самом, страшном подвале.

– И славно, – снова потрепал по щеке на прощание. – Я тут тебе денег припас на дорожку. Чай, не лишними будут. Немного, всего десять целковых...

Академик Тауберт на всю поездку выдал всего пять рублей. Не считая прогонных. Скряга немецкая!

Нет, все-таки иногда бывает приятно иметь дело со щедрыми людьми. Пусть даже это начальник Тайной канцелярии розыскных дел.

– И еще вот, – отставил в сторону руку, в которую услужливый Харон тут же вложил небольшой резной ларец. – Возьми, пригодятся.

Иван открыл коробку. На зеленом бархатном сукне поблескивала пара пистолетов.

– Шпага шпагой, а свинец да серебро надежней. Да перед отъездом не забудь в церковь-то сходить, нехристь...

Деньги, пистолеты, церковь. Да что ж это за развеселая поездка ему предстоит? Не в Плутоново же царство, в самом деле?

Marlbrough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine...
Мальбрук в поход собрался,
Миронтон, миронтон, мирантан...

ПСЫ ГЕКАТЫ

Вне времени и пространства

Ох, и скверно пахнет от этого места. Чем-то непонятым, но почти до тошноты знакомым.

Точно!

Так воняет залежавшееся мясо. Когда его уже практически невозможно употреблять в пищу. Правда, есть среди Хозяйкиных слуг и такие, что не брезгают тухлятиной. Даже находят в этом особую прелесть.

Но только не ОНИ. Они питаются исключительно свежатиной. Чтоб кровь еще не успела свернуться и текла по зубам, веселя и туманя разум.

И еще, разумеется, страх. Как же без него?! Именно он и сообщает плоти загнанных жертв исключительный привкус, а также дает ИМ, вкусившим, силу и бессмертие.

Понятное дело, Хозяйка и сама заботится о НИХ, холя и лелея своих любимцев. Однако и она не всесильна перед натиском времени. Так что ИМ жизненно необходима охота. Без нее неинтересно.

Охота!

Какое это невообразимое счастье!

Сначала, конечно, надо наметить жертву. Это очень важный момент. Кого попало преследовать нельзя. Только тех, кто, так или иначе, попал в поле зрения Хозяйки. На кого легла ее тень. Если травить первого попавшегося, лишь бы утолить голод, то можно запросто согнуть. Так бывало. Самые сильные, храбрые и ловкие из ИХ стаи клали головы оттого, что им вдруг хотелось поразмяться. Начинали гонитву, и...

Лучше подождать, пока ИМ укажут. Либо сама Хозяйка, либо ее доверенные слуги.

И тогда ОНИ берут след.

Ловля начинается.

Глупые утверждают, что во время охоты главное – это до поры до времени схорониться, чтобы жертва не сразу заметила интерес к себе. Нужно-де выбрать подходящий момент, когда рядом нет ни души, и уж затем нападать.

Чушь собачья!

Жертва должна осознавать, что она жертва. Понимать, что конец неизбежен. Только тогда в ней и вырабатывается то, что ИМ от нее нужно.

СТРАХ!

Неописуемый, жалящий, разящий. Заставляющий кровь то замирать в жилах, то бурлить горным ручьем.

Итак, преследование должно быть очевидным.

Плохо, конечно, что для этого ИМ отведено одно темное время суток. Сумерки, ночь да предутренние часы.

Мало, досадно мало.

Но лишь для неумелых. Не таких знатных охотников, как ОНИ.

Уж ОНИ-то умеют выжать из своего времени все до последней капли.

Виться ужом вокруг цели. Показываться ей то поодиночке, то сразу всем вместе. То пропадать на время, чтоб создать иллюзию освобождения, то вновь появляться из ниоткуда. И упиваться, захлебываясь, страхом несчастного или несчастной.

А потом финал.

Когда жертва загнана в тупик и, сознавая неминуемое, прекращает сопротивление.

Последний прыжок. Право на него, по традиции, представляют ИХ вожаку. Ему первому позволено вкусить грешной крови и плоти.

Однако убивать жертву сразу нельзя. Следует подождать, пока с нею не сведет свои счета Хозяйка. Вдруг да решит помиловать? Подобное случается нечасто. Но бывает. Тогда везет одному вожаку, уже успевшему отведать «дичи». Остальным приходится дожидаться новой охоты.

Чаще все-таки Хозяйка не оставляет своих верных слуг без обеда. Понимает, что более преданных рабов у нее нет. Разве сравнятся с НИМИ Ползающие? Медлительные, непово-

ротливые. Кого они испугают? Разве самых трусливых. А вот от ИХ вида впадают в панику даже отчаянные храбрецы.

Смелчаки – вот наиболее лакомые куски! Вкусить от такого – продлить себе жизнь на бесконечное число дней. (Это, конечно, преувеличение, ибо все имеет начало и конец, не исключая Хозяйки.) И все же... Одолеть храброго – большая заслуга для стаи. Тут засчитывается одна жертва за десяток, а то и два.

Но это если смелчак. А когда попадает такое, как вот сейчас? Нервно бьющее по обонянию и заставляющее тоскливо коситься на недремлющее око Хозяйки, взирающее с темных небес.

До чего же не хочется делать этот последний бросок. А ведь придется. Обратной дороги нет. Невыполненный приказ равносителен развоплощению, небытию. Тем более что ИМ было указано, чтобы с жертвой не возились. Кончат сразу и приступать к пиру. Значит, Хозяйке этот не нужен.

Как тяжело отрываться от земли. Тела словно каменные. Лапы не слушаются. По ушам бьет безмолвие.

И запах исчезает, что в принципе невозможно. Разве что если жертва... Но ИХ должны были предупредить об этом заранее. Естественно, если Хозяйка не специально послала стаю в ловушку, чтобы наказать за какую-то провинность.

Нет, все в порядке. Дух появляется вновь. Наверное, жертва на какое-то время смогла просто заслониться щитом. И все равно непорядок. Поставить защиту против НИХ не каждый способен. Тут нужно держать уши остро.

Ага, вот и она, жертва.

Гр-р-р...

Глава 5

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Москва, апрель 2006 г.

Майор Вадим Савельев открыл дверь кабинета, где уже два с лишним года проводил изрядную часть жизни.

Небольшая комната со стенами под дерево, старинный стол зеленого сукна, может быть, помнящий еще первых, полузабытых муровцев двадцатых годов прошлого века, современного дизайна компьютерный стол с относительно новой «Тошибой» и прочей оргтехникой (подарок бизнесмена, которого Савельев избавил от крупных неприятностей), шкаф, стеллаж с кодексами и справочниками...

Типичный кабинет типичного мента средней руки – как выражается генерал Серебровский.

Раздевшись, Вадим тут же принялся перебирать бумаги, оставшиеся со вчерашнего дня. Бумаги по делу об убийстве Монго.

В метро он купил и по дороге наскоро просмотрел ворох самых разных газет, не пожалев для служебных нужд кровной полусотенной.

Газеты были самые разнообразные – от уважаемой «Консультант Плюс», до желтого «МК». Ну и, само собой, газетенки вроде «Черного зеркала» и «Власти звезд» не забыл.

Все они уже успели пройти по убийству Монго. Если в серьезных изданиях были лишь короткие заметки с перечислением титулов и регалий усопшего, то в желтой прессе уже давались пространные комментарии с перечислением возможных причин смерти покойного – одна другой хлеще.

Одни приписывали смерть мага козням спецслужб, мстящих ему за историю с президентом Украины, «на самом деле» умершим от яда полтора года назад, но «оживленным» Монго за десять миллионов долларов, выделенных ЦРУ.

Другие вспоминали, что чародей не раз говорил о желании воскресить Ленина – что нынешним буржуям и олигархам, само собой, не понравилось.

Третьи, наоборот, утверждали, что он принял заказ от нескольких беглых олигархов на наведение смертельной порчи на президента России, но был вычислен бдительными оккультистами в погонах и ликвидирован.

Четвертые намекали на энергетический удар, посланный не то из Шамбалы, не то вообще с Альдебарана...

Но больше всего поразил Вадима некролог в официальном и сухом «Российском вестнике»:

«В Москве неизвестными лицами убит один из ведущих магов Российской Федерации, Монго Г. Ю. Как утверждает на его официальном сайте, Георгий Монго – автор сенсационных открытий XX века: „Оживление мертвого тела“, „Парение в воздухе (левитация)“ и оригинальных методик по любовной магии, снятию сглаза, порчи и проклятий; разработал новейшие способы лечения онкологических заболеваний и многих других болезней. Владел ста видами гипноза, телепатией, телекинезом, пирокинезом, ясновидением. Ведется следствие».

На столе его уже ждали всякого разного рода распечатки, извлеченные неутомимым Зайцевым из Интернета.

Сообщения в Сети были ничем не лучше прочитанного, им в газетах, разве что к ФСБ и тибетским ламам добавлялись шаманы вуду, каббалисты, и масоны (а как же без них?).

Но были новости и другого рода.

На адрес Петровки пришло сразу два электронных письма.

Первое письмо было подписано неким «Устранителем Зла». В нем он в вычурных и патетичных выражениях сообщал, что лично ликвидировал Монго как «проводника темных энергий» и агента «Глобального Пророчества Земли». Последние два абзаца письма содержали ехидные предложения попробовать поймать автора эпистолы и намеки на те астральные силы, что защищают его от скудных умом ментов.

Явная шиза – и психиатрической экспертизы не нужно.

Второе заставило майора задуматься.

В нем от имени Новой Инквизиции сообщалось, что Монго уничтожен за попытку открыть Врата, ведущие в запретные области, обитатели которых грозят человечеству порабощением и гибелью. Во имя Господа, Человека и Веры, Новая Инквизиция и дальше продолжит очищать Землю от подобной скверны.

Послание содержало также рекомендацию следствию не очень глубоко копать это дело, поскольку, во-первых, найти инквизиторов будет почти невозможно, а во-вторых, если на их след все же выйдут, они будут вынуждены принять меры уже и против излишне ретивых работников правоохранительных органов.

Вадим хмуро перечитал письмо еще раз.

Оно не было похоже ни на обычные письма от психопатов, после каждого громкого дела охотно берущих на себя ответственность за преступление, ни на признания подлинных убийц-маньяков. Что-то было в нем жутковатое и, как бы это сказать, – неподдельное.

Вроде слова складываются в обычные фразы, но вот общее впечатление...

Он даже задумался, а не передать ли письмо коллегам в ФСБ. В конце концов, тут сделана солидная заявка на то, что закон именует «экстремистской и террористической организацией». Но вовремя сообразил, что в нынешние времена на такое не купится даже нынешняя «контора».

Да, нынешние времена...

В свои тридцать три года Савельев иногда чувствовал себя стариком – настолько не его была окружающая его действительность со всеми ее чудесами. Начиная от магов на «мерседесах» и заканчивая братками в Думе.

Нет, ФСБ и в самом деле беспокоить не будем, пока, по крайней мере.

Побеспокоим экспертов, благо они живут этажом выше...

– А, Вадик, заходи. – Подполковник Эраст Георгиевич Каландарашвили, царь и бог экспертного отдела, и настоящий грузинский князь, поднялся ему навстречу. – Ты насчет этого своего мракобеса? Вот как раз вовремя – все материалы уже готовы. Итак, – пробежал он глазами акт патологоанатома, – потерпевший скончался примерно между тремя и пятью утра. Следов насилия, сопротивления, побоев, пыток на теле не обнаружено, также, как и ссадин, гематом и внутренних повреждений. Следов наркотиков в крови не обнаружено. Процент алкоголя соответствует бутылке пива или паре рюмок водки. Ужинал покойный осетриной и оливками.

Эраст Георгиевич погладил бородку.

– Теперь о главном, Вадим. Смерть наступила в результате максимум второго выстрела, хотя уже и первое ранение из разряда «несовместимых с жизнью». Оружие – охотничье ружье системы «Бюксфлинт» восемнадцатого калибра. Ружье редкое, необычное, видимо, с укороченными стволами. Обрати внимание: не обрез, а именно укороченные стволы.

Савельев слушал с интересом – несмотря на весь опыт, речи экспертов всегда казались ему сродни словам магов-тайновидцев, способных каким-то волшебством увидеть скрытое.

– Пули, судя по всему, классический жакан. Материал – чистый свинец, марки, обычно используемой для кабельных оболочек.

– Не серебро? – уточнил майор.

– Нет, самый обычный свинец, – пряча улыбку в бороду, сообщил Каландарашвили. – Одна пуля на выходе задела позвонок, и на кости остались довольно крупные частички. Ну и чтобы закончить с этим, повторю – надо искать ружье системы «Бюксфлинт» выпуска до... – эксперт чуть сморщился, напрягая память, – ... 1936 года, бельгийской фабрики «Леон Наган». Ствол редкий, приметный, так что имейте в виду.

– Как вы это определили, Эраст Георгиевич? – не сдержался Савельев.

– Очень просто, Вадим. Дело в том, что, как правило, при системе «Бюксфлинт» третий ствол делался под нарезной винтовочный боеприпас – калибра обычно 7,93 маузер. Трехстволок под все три дробовых патрона имеется лишь две – «Ремингтон» двадцать второго года и вот этот, из которого уколошили нашего «терпилу».

Но американский дробовик имеет разные калибры – два верхних по шестнадцать, нижний – двадцатый. А все три восемнадцатого калибра – это только бельгийское ружье.

Делали его небольшими партиями, у нас встречается редко – в моей практике так вообще первый раз. Выпускать его передали перед войной, так что, видимо, вещь привезли как трофей из Германии. Впрочем, могло быть все что угодно – скажем, хозяин купил ее где-нибудь в Риге еще при Союзе...

Каландарашвили вздохнул.

– Еще у нее отличительная особенность – обычно у трехстволки два курка и один верхний спуск под пулевой ствол. А вот у этого красавца наоборот – две верхние гашетки и один спусковой крючок там, где и положено: ни с чем не спутаешь. – Подполковник цокнул языком в восхищении перед хитростью изобретателей. – Ружье само по себе длинное, для серьезного охотника – так что, думаю, стволы укорочены: вряд ли твои киллеры таскались по улицам с полутораметровой душой за плечами.

– Все? – осведомился майор.

– Зачем все, дорогой? – улыбнулся Эраст Георгиевич. – Есть кое-что и на стрелка. Во-первых, думаю, что он не охотник: охотник обычно, когда кого-то решает убить, пользуется картечью – при хорошем выстреле рана почти всегда смертельная.

Вадим кивнул, поморщившись – что делает крупная картечь с человеческим телом, тем более в упор, он знал достаточно хорошо.

– И еще – у стрелявшего на редкость твердая рука. Все три выстрела легли почти рядом.

– Он не выпалил одновременно? – уточнил Савельев.

– Тогда бы в груди вашего колдуна была дыра, куда и твой кулак пройдет, – покачал головой подполковник. – Кстати, вот еще – он ведь сознательно не выстрелил разом – все же страховка на случай промаха, да и звук получится слишком громкий. Теперь еще: смотри на это. – Он бросил на стол перед Савельевым фотоснимок.

Майор не сразу понял, что это изображение нижней части торса покойного Монго, расчеркнутое карандашом.

– Обрати внимание – кинжалы воткнуты идеальным крестом. Вряд ли это делалось с помощью линейки и циркуля, – хитро прищурился Эраст. – Так что у этого человека твердая рука и верный глаз. Имей это в виду, когда будешь его брать. Ну и на закуску – о кинжалах. Вот тут, пожалуй, самое странное.

То, что это испанские стилеты, пусть даже и ручнойковки, – это само собой. Но на них не чье-то клеймо, а, между прочим, самого Эльсано. Знаешь, что это значит?

Майор лишь помотал головой.

– Это шестнадцатый век, не что-нибудь! И не подделка – мы нашли эти вещи в каталоге.

– И сколько это стоит? – не сдержался Савельев.

– Точно сказать не могу, но сумма определенно четырехзначная. И не в рублях, само собой. За каждый! Зацепок на них нет, сразу предупреждаю – ни на аукционах эти вещи в последние годы не появлялись, проверили уже по Интернету, ни в списках похищенных цен-

ностей не числятся. Есть, правда, одна мелочь. «Перышки» определенно побывали в Карибском море. Рукояти из американского дерева и отделаны черепашиным панцирем – причем все доподлинно старое: фактура, трещины, ну и все такое. И обтянуты они акульей шкурой: чтобы не скользили в руке, лучше и не придумаешь. Так что, видимо, этими ножами какой-нибудь капитан Флинт резал своих жертв. Ну вот пока и все...

Распрощавшись с Эрастом Георгиевичем, майор вернулся к себе.

Еще какое-то время Вадим изучал протоколы допроса Варвары и этой... жрицы-стриптизерши, потом заварил чай, но насладиться ароматным «Северным львом» не успел.

В кабинет вошла молодая яркая женщина, чуть наклонила голову в приветствии.

– Здравствуйте! Я – Лидия Ровнина. Мне назначено на двенадцать к следователю Савельеву. Ох, простите. Это, я полагаю, вы... Мне можно сесть? – осведомилась она.

– Да, конечно, – чуть смутился по непонятной причине Савельев. Но тут же уточнил:

– Вообще-то без разрешения входить в мой кабинет не положено...

– Извините, – пожала плечами Ровнина. – Я никогда раньше не бывала в милиции, кроме как получала паспорт.

Пока гостья расписывалась «за дачу заведомо ложных показаний», майор внимательно изучал свидетельницу.

Если при всех несомненных достоинствах вещуньи Алены красавицей ее назвать было нельзя, то сидевшая перед ним молодая женщина как раз была красива. Леди Ровена – она же Лидия Ровнина. В отличие от своей коллеги и... хм, сестры по мужу, как уже выяснил Савельев, происходила из почтенной профессорской семьи, пусть и не из Москвы или Питера, а из провинциального Оренбурга.

В фирме Монго вела частично финансовые вопросы и некоторые проекты – ну, помимо магических консультаций и ясновидения. Но именно частично – несмотря на свое более чем среднее образование, чародей лучше иных выпускников МГУ и даже Гарварда понимал, что в бизнесе не надо класть все яйца в одну корзину.

Но, черт возьми, покойный и в самом деле любил разнообразие – Лидия была полной противоположностью Жрице Змея, или как ее там.

Стройная худощавая черноглазая шатенка, с безупречными тонкими чертами лица и изящной фигурой, наводящей на мысли о восточных танцовщицах и полумраке серала.

Дорогой черный костюм в искорку, черная блузка с неглубоким узким декольте, блеск светлых камней в ушах и на пальцах.

Да, и впрямь леди Залов Ночи!

– Вы, видимо, хотите задать вопрос: знаю ли я что-нибудь, что может пролить свет на это несчастье, – первой начала она разговор, видя, что майор собрался вести допрос. – Вынуждена вас разочаровать. Не имею ни малейшего представления, за что его могли убить.

Савельев уже приготовился бросить сакраментальное «Вопросы здесь задаю я», но тут вдруг отметил, насколько равнодушно она говорила о покойном. Видимо, компьютер, стоявший в ее очаровательной головке, уже списал мертвого шефа как нечто, не имеющее никакого значения. И совершенно по-другому увидел сыщик и костюм в три его зарплат, и ключи на брелке с надписью «Хонда», которые она рассеянно вертела на указательном пальце правой руки, и внешнюю неброскость дорогих крупных камней...

Девка явно знала себе цену, и стоила дорого, что не упускала случая продемонстрировать.

Вадим Сергеевич слегка разозлился.

– А это никак не может быть связано с этой вашей школой? – буркнул он (вопрос-то, между прочим, довольно скользкий – всякое ведь всплыть может). – Вы ведь ее курировали?

Но Лидию оказалось не так-то просто пронять.

– Что в ней особенного? – пожалала она плечами. – Таких школ не одна только в Москве. И курировала я ее исключительно с финансовой точки зрения. – Тонкие губы тронула многозначительная улыбка. – Ею занимался лично Георгий Юрьевич...

«Ну стерва!» – не без уважения подумал майор.

Как успел разнюхать неутомимый Хасикян, при ложе Серебряного Змея существовало нечто вроде кружка юного мага. Причем вел его действительно сам Монго, отдавая предпочтение юным симпатичным девушкам, в том числе и не достигшим совершеннолетия, набирая из них ассистенток.

Первоначально Савельев даже подумал – нет ли тут ключей к разгадке убийства?

В конец концов, оскорбленные родительские чувства толкали на преступления и куда более жестокие, особенно в ситуации, когда на правосудие надежды мало, а оскорбитель богат и влиятелен.

Может, все же потрянув эту Ровену насчет школы поосновательнее?

Нет, пожалуй, зацепок тут нет. Ни одного скандала и даже намек на него в связи с этой школой не зафиксировано. Вероятно, Монго если и таскал девчонок в постель, так выбирал тех учениц, кто сам не прочь был там оказаться. Не как у порядочных людей, но что поде-лаешь, если нет криминала?

Савельев оборвал себя.

У «порядочных людей!» Тоже еще, дед старый, моралист в погонах, сам, можно подумать, за практикантками молоденькими не ухлестывал, «порядочный людь»?!

– Может быть, все дело в «Книге Семизвездья»? – Голос Ровниной вывел его из размышлений о морали.

– Что? Средиземья? – не понял Савельев.

– Семизвездья, – ехидно улыбнулась Лидия. – Это редкая древняя книга, написанная Брюсом. И уточнила: – Не Брюсом Ли и не Брюсом Уиллисом... – Теперь издевка стала откровенной.

«Интеллигенция, мать ее!» – выругался Вадим про себя.

– Я, представьте себе, знаю, кто такой Яков Виллем Брюс, – бросил он. – По истории в школе у меня все же были «пятерки», и книги я иногда читаю. Как там бишь у Александра Сергеевича: «И Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин...»

Скосив глаза, с удовлетворением заметил, что свидетельница была, что называется, сражена наповал. Таки удалось ему пробить ее деланую невозмутимость. Ну не мытьем, так катаньем.

– Так что насчет Семизвездья?

– Видите ли, майор, – откинулась Лидия в кресле. – Признаться, не уверена, но Георгий искал эту книгу последние несколько месяцев. Я не знаю подробностей... Собственно, и узнала-то об этом случайно. Когда он мне это рассказал, то был слегка навеселе и... как бы это сказать... размяк, как бывает с мужчинами в постели. – Она мило, но многозначительно улыбнулась. – И при этом добавил, что дело может быть опасным. Вот, больше ничего сказать не могу. У меня железное правило – не влезать в дела, которые меня не касаются.

Немного помедлив, леди Ровена неожиданно добавила:

– Впрочем, возможно, Варвара Озерская могла бы вам рассказать что-либо?

– Откуда вы знаете Варвару Озерскую?! – встрепенулся Савельев.

– Ну, – на губах Лидии вновь возникла самодовольная усмешка, – вы, может статься, этого не знаете («Да где уж тебе?!» – читалось ее глазах.), но среди журналистской братии она, пожалуй, единственная, кто пишет о магии и магах всерьез. Я свободна?

– Да, пока, – выделил последнее слово Вадим. – И если вам потребуется куда-то уехать из города, обязательно нас предупредите.

– Тогда всего доброго.

«Упечь бы тебя, стервочка, на сорок восемь часов до выяснения личности! – раздраженно подумал он. – Жаль, что не те времена!»

Ну ладно, может, общение с Варварой будет более приятным.

Какой там у нее адрес?

Или не присылать повестку, а вызвать по телефону?

А то и самому наведаться по месту проживания?..

Глава 6 ОПИСАНИЕ УТРЕННЕЙ ЗАРИ

В-ская губерния, зима 1758 г.

Уже зари багряной путь
Открылся дремлющим зеницам.
Зефир прохладной начал дуть...

Новая ода слагалась споро да ладно. Прохор одобрительно побряхтывал у себя в клетке, отбивая в такт особенно звучным слогам клювом о прутья.

О! утра преблаженный час,
Дороже нам золотого века.
В тебе природы сладкой глас
Зовет к работе человека.
Приход твой всяку тварь живит...

Чем дальше от столицы, тем вольнее дышала грудь. И даже рука не тянулась к стакану. Ежели что и пил, так только чай да кофе. И не потому, что в кармане было пусто. Как раз наоборот. Чувствовал себя настоящим Крезом. Пять целковых от Тауберта, десять от Шувалова да еще тридцать Прохорова пенсионера – почитай, его годовое жалованье копииста.

Сначала не хотел брать с собой таковые-то деньжищи. Подумал, что лучше бы отложить немного да отдать верному человеку на сохранение. А то поиздержится в дороге, вернется в Петербург и опять, что ли, класть зубы на полку или идти побираться по друзьям-приятелям-знакомцам? Но потом рассудил, припомнив невнятные намеки его сиятельства, что в В-де все наличные средства могут пригодиться.

Что-то подсказывало, что поездка будет трудненькой.

Ну насчет старинных летописей сомнений не было. Вез с собой письма, адресованные В-скому архиепископу Варсонофию и подписанные лично президентом Академии Разумовским. Граф настоятельно просил владыку споспешествовать в благородном деле во славу отечественной науки. Все рукописи надлежало изъять под расписку гарантией безусловного возврата оных, по истечении в них нужды, законному владельцу. Святые отцы хоть и прижимисты, но против воли младшего брата любимца государыни открыто восстать не посмеют.

А вот что до прочего...

Легко ль сказать: присмотришь. А к чему? Что это за слухи такие, что заинтересовали Тайную канцелярию?

Попробовал разведать еще в Северной Пальмире, но по всем статьям получил афронт. Никто ничего не ведал.

Или предпочитали держать язык на привязи?

Немудрено. По столице прокатилась волна арестов, связанных с делом Бестужева. Канцлер упорно не хотел сознаваться в каких-либо винах. Твердил, что чист перед императрицей как Божия слеза. Елизавета Петровна отчего-то бывшему канцлеру не верила, и Шувалов рыл носом землю в поисках улики.

До В-ды оставался еще день пути.

Дорога лежала через знаменитые В-ские леса.

Откинув полог кибитки (благо день выдался теплый, не задувало, да и вообще в воздухе уже явственно пахло весной), Иван любовался великостью природы российской.

Выросши на берегах Финского залива, он привык к несколько иному пейзажу: песок, да сосны, да безбрежность голубовато-серого летом и стального весной и осенью моря. Здесь же было совсем не то.

Кряжистые дубы-великаны грозились узловатыми ветвями. И без листьев они впечатляли, а каково-то посмотреть, когда приоденутся зеленым убором. Небось у тоненьких соседок-березок сердце замирает в сладкой истоме при взгляде на мужественных властителей леса. Эвон, и сейчас ластятся, так и норовя прильнуть к широким грудям дубов. Вот же неумное женское естество.

Проخور тоже исподтишка наблюдал за натурой. Внезапно нахохлился, закряхтел.

В чем дело?

Ага, рыжую хитрюгу высмотрел. Пушистый лисий хвост мелькнул вымпелом и скрылся за ближайшей осиной. Чай, вышла на мышиную охоту кумушка. А тут люди, как назло, помешали. Ну извини, Патрикеевна, не хотели, так уж вышло.

– Может, перекусим? – спросил он ворона.

Пернатый оживился.

– Пер-рекусим! Пер-рекусим!

Из съестной коробки Иван извлек ломоть вареной говядины, краюху хлеба, кус сыру и флягу с квасом. От хлеба и мяса носатый питомец категорически отказался, а вот сыр прямо-таки выхватил из рук хозяина и тут же принялся склевывать.

– Сыр-р сыр-рок отобр-рали у сор-рок!

– Ну барин, и бедовая же у тебя птаха! – захихикал на облучке ямщик. – Точно человек, все понимает!

– Это еще что! – загордился похвалой птахе парень. – Он еще и загадки загадывать мастер.

– Загадки? – не поверил мужичок. – Быть такого не может!

Проخور от возмущения чуть не подавился лакомством. Прочистил горло и загрохотал:

В дыр-ру когда влагаюсь,
Кр-репок живу и тут.
Когда же вынимаюсь,
Бываю вял меж р-рук.
Но свер-рх еще того спускает мой конец
Тут белой с себя сок...

Умолк, давая ямщику возможность отгадать. Тот чуть с облучка не слетел от лихости стишка. Потом почесал рукой затылок и боязливо начал мямлить:

– Так оно это... то самое... причинное...

– Пр-росольный огур-рец! – закончил ворон, пока человек не осрамил уста неприличным словом.

– Огурец? – опешил детина. – А ведь верно, подходит! Матушки-светы, просольный огурец! Ха-ха-ха! О-хо-хо!

Кибитку затрясло, заметало из стороны в сторону.

– Эй! – прикрикнул на весельчака Барков. – Ты за дорогой-то приглядывай!

– Не бойсь, барин! Я здешние места как свои пять пальцев зна...

Хрясь! Бум!

И уже кибитка лежит на боку, а все трое ездовых, барахтаясь в снегу, что есть мочи матерятся.

- Растудить тебя через коромысло! Никак обломались?
 - Дык, барин, оно, конечно...
 - И что теперь, пехом до самой В-ды топать прикажешь?!
 - Ой, да отчего ж пехом? Зараз вмиг все починим.
- Поэт уныло глядел на ледовое побоище.

Куда там мигом. Кибитка угодила в какую-то старую охотничью яму, выкопанную, вероятно, на кабана, а то и на медведя. Полозья саней сломались, сам короб потерял всяческую форму. Ехать дальше на этой развалине представлялось делом весьма и весьма сомнительным.

И точно. Когда с грехом пополам вытащили кибитку на дорогу, бравый кормчий только развел руками, а потом по извечной русской привычке полез скрести затылок.

– Ну?... – грозой надвинулся на него Ваня.

– Дык... На все воля Божия.

– Не я ль тебя, ротозей, предупреждал?! – сплюнул пассажир. – Говори лучше, как из этой беды выбираться станем?

Ямщик пожал плечами.

– Эк сказали – беда. Вот ежели б, положим, мы с вами шею в оной ямище сломали, тогда б точно беда. А так. Отсюда верстах, почитай, в двух постоялый двор моего кума находится. Терентия Силыча. Его здесь всяк знает. Доберемся еще засветло, вы переночуете, а я сани поправлю. Завтра с утрачка и снова в путь-дороженьку. О полудни в самой В-де и будем.

– Ну гляди у меня, коль соврешь! – погрозил господин Академии Российской копиист. – Знаю я эти наши русские версты. Хоть бы к ночи успеть.

Подхватил на руки клетку с все еще матерящимся Прохором и побрел рядом с жалкими останками кибитки в направлении, указанном нерадивым возницей.

Заведение Терентия Силыча мало походило на постоялый двор. Скорее на захудалый трактир.

Большая изба о полутора этажах. Рядом хозяйственные постройки: сарай да конюшня. Что показалось Ивану странным, так это то, что здесь было много собак. Целая свора. И все как одна рыжие, огромные и злые.

Зачем они тут, подумал путник, вроде как охранять особенно и нечего?

Ямщик повел лошадей в конюшню, а они с Прохором вошли в дом.

Внутреннее его убранство резко контрастировало с наружным видом здания. Поэт словно бы попал из русского леса да куда-нибудь на сказочный Восток. Кругом мягкие цветастые ковры: на полу, стенах, невысоких лавках, более похожих на лежанки. Такие же невысокие столы на резных ножках были покрыты чистыми шелковыми скатертями. Стены украшены большими тарелками-щитами с выгравированной на металле затейливой арабской вязью, кривыми саблями, перекрещенными короткими копьями.

Не иначе как владелец побывал на турецкой или персидской войне и приволок оттуда все это домой в качестве трофеев.

Откуда-то, словно из-под земли, выпорхнули две бойкие девицы и захопотали, засуетились вокруг Ивана. Он даже чуток опешил. А еще разочаровался. По окружающей обстановке им бы непременно надобно было вырядиться в восточном же духе. В какие-нибудь полупрозрачные шаровары и расшитые бисером кофты-лифы. Эти же щеголяли в обычных крестьянских рубахах до пят, правда, чистых да в лаптях. Волосы по обычаю заплетены в толстые косы, перевитые у одной голубою, а у второй алою лентой.

Увивались вокруг поэта так, будто он был едва ли не самым в-ским губернатором, а то и кем повыше. Может из-за того, что Иван оказался чуть ли не единственным посетителем? Ну еще в дальнем полутемном углу сидела спиной к дверям какая-то молодая дама. Навер-

ное, тоже недавно приехала. Потому как была еще в верхнем платье. И как ей не жарко в таковой-то парилке?

Барков поспешил снять свою шинель, небрежно сбросив ее в услужливо подставленные девичьи руки. Девы провели его к столу и принялись с любопытством глядеть, как парень освободил из пелен клетку и поставил ее рядом с собой на лавку.

Прохор завертел головой, присматриваясь да принохиваясь. Что-то ему явно не пришло по нутру. Ворон нахохлился и каркнул:

– Кутерь-рма! Пр-родай жизнь не задар-рма!

Девушки, как и все, кто первый раз сталкивался с ученой птицей, оторопели. И даже дама из угла обернулась посмотреть, что оно за диво дивное.

Господин копиист отметил, что собою она очень даже недурна. Брюнетка с большими глазами. Как раз в его вкусе. Но получше рассмотреть не успел. Уж слишком быстро та снова склонилась над своею тарелкой.

– Чего кушать будете? – Грубый мужской голос оторвал его от наблюдений за брюнеточкой.

У Иванова стола переминался с ноги на ногу коренастый мужик в русской одежде. Домотканая рубаха, подпоясанная широким кушаком, темно-зеленые штаны, сафьяновые сапоги с загнутыми кверху носками. Рожа его не вызвала у Баркова ни симпатии, ни доверия. Не оттого ль, что детина был огненно-рыжим? Волосы расчесаны на прямой пробор, россыпь веснушек под серыми, бегающими глазами, усы и борода, разделенная на две части. Наверное, здешний хозяин. Не похоже что-то, чтоб он принимал участие в военных походах.

– Халву и шербет! – вызывающе молвил поэт.

– Шер-рбет! – подтвердил Прохор, которому понравилось звучное слово.

Рыжий чуть заметно скривил уголок рта, поклонился и хлопнул в ладоши. Девушки метнулись к дверям.

– Эй-эй-эй! – спохватился молодой человек. – Я же пошутил!

Мужик в зеленых штанах снова хлопнул. Девахи застыли на месте.

– Ну а, положим, я испросил бы седло молодого барашка в гранатовом соусе? – глумливо осведомился господин копиист. – И к нему бутылку кипрского вина?

– Кипр-рского!.. – потребовал ворон.

– Один момент, – пожал плечами бородач и приготовил длани.

– Стой! Стой! – уже почти испугался Ваня. «Джинн, не иначе!» – припомнились читанные недавно сказки «Тысячи и одной ночи».

– Ты вот чего... Подай мне поросенка с хреном... Малый шкалик зелена вина и солений всяких. Грибочков там, огурчиков...

– Эт мы мигом, – осклабился рыжий и щелкнул пальцами.

Молодой человек в оба глаза уставился на стол, ожидая, что по знаку мужика там сразу и явится испрошенное. Нет, не появилось. Пока девчонки не приволокли с кухни.

– Гр-рибы, огур-рцы? – заволновался Прохор. – Др-рянь!

Ох, что ж это он о попутчике запомнил.

– Сыру бы, а?

– Сыр-ру! – тотчас же подтвердил ворон. – И чер-рвяков!

– Да где ж они тебе червяков найдут? – урезонил питомца поэт. – Зима, все черви в земле спят.

– Ниче, – успокоил гостя хозяин. – Акулька с Агафьей нароют. Слышали? Сыру и червяков для разумной птахи!

Юниц как ветром сдуло.

«Хм, двое из ларца. А у этого Гаруна аль Рашида апельсинов с ананасами нет? Вот бы к брюнетке с ними подкатиться...»

Принялся закусывать. Поросенок был выше всяческих похвал. Сочный, с поджаристой корочкой. А вот водка отдавала каким-то странным привкусом. Мятно-сладким. На чем таком ее настаивали? И уж больно крепка. Сразу в голову ударило.

Нет, не будем коней гнать. У него еще целая ночь впереди.

Отставил в сторону штоф и приналег на мясо с соленьями.

Агафья с Акулькой принесли два блюда. Одно с нарезанным сыром, а на втором шевелились жирные, красные земляные черви. Надо же, нарыли-таки.

– Можно нам угостить птичку-то? – плавно окая спросила та, что с красной лентой.

– Отчего ж, извольте, – милостиво дозволил Ваня.

Девушки поставили клетку с Прохором на стол и принялись хлопотать вокруг многоумрой птицы. При этом взгляд поэта отчего-то все время наткнулся то на их округлые, тяжелые груди, так и норотившие прорвать тонкую сорочку, то на крепкие ягодицы, то на сноровистые руки... А еще ноздри щекотал острый запах молодых здоровых женских тел.

Святые угодники. Что это с ним? Или давно не навещался в веселый дом? Да, пожалуй, что и давненько. За этой Несторовой летописью обо всем на свете забудешь. И еще это зелено вино. Да пряное мясо с грибами...

Не убраться ль от греха подальше наверх, почивать?

Однако язык, как сам не свой, уже спрашивал:

– Не угоститесь ли и вы со мной винцом?

Молодки засмутились, стали косо поглядывать на хлопотавшего у стола брюнетки хозяина.

– Уж больно оно забористое для нас, – жеманно ответствовала дева с голубой лентой. – Вот наливочки сладкой...

– Так за чем дело стало? Несите!

Глазом не успел моргнуть, как на столе появилась наливка. А к ней конфеты, засахаренные орешки и шанежки.

Рыжебородый куда-то подевался. Акулька с Агафьей заметно осмелели. Сели по обе руки Ивана и принялись угощаться, не забывая и парня потчевать. Рюмка, другая...

– Ну-ка, Проша, давай загадку! Только, чур, не про огурец!

– Чур-р, не огу-рец, – проглотил очередного червяка ворон.

Я р-рос, я выр-рос
И на свет вылез,
Но только я не весь внар-ружу оголился,
Немного лишь с конца и кожи залупился.
Когда ж совсем готов, тогда от молодежи,
А паче от девиц...
Любим живу от всех.
Я есмь...

Занялся сыром, не досказав.

Пьяненькие девушки мелко захихикали. Одна из них словно невзначай положила руку на бедро молодого человека. По Ивану вмиг прошел пламень.

– Ор-рех! – закусив, поведал разгадку Прохор.

Агафья с Акулькой засмеялись во весь голос. Груды-мячики ходуном заходили под рубахами.

Мимо их стола, презрительно фыркнув, проплыла брюнетка. Снова объявившийся бородач присветил ей шандалом, когда она стала подниматься по лестнице, ведущей наверх, в комнаты.

– Акулька! – крикнул хозяин. – Проводи гостью дорогую!

Голубая лента метнулась на зов. Алая, разомлев, оказалась на Ивановом плече. Глубокий вздох-всхлип. Щеку парня обдало жарким дыханием.

– Дер-ржимся, воздер-ржимся и не ленимся! – пророкотал наставление преподобного Сергия Радонежского пернатый. – Воздер-ржимся!

– Пора и мне на боковую, – отстранился от Агафьиных губ поэт. – Завтра рано вставать.

Девушка накуксилась, будто у нее отобрали любимую вещицу. Но спорить не стала. Взяла со стола свечу и поманила за собой. Подхватив под мышку клетку с суровым блюстителем нравственности, господин копиист пошел за своей «путеводной звездой».

Постель манила свежестью и чистотой. Простыни были тонкие, обшитые кружевами. Иван вспомнил, что В-ская губерния славилась этим искусством.

Раздевшись до одних исподних штанов, парень обмылся над тазом, поливая сам себе из медного, тоже изрезанного арабскими письменами кувшина. Прохладная вода чуть освежила голову. Однако жар и томленье полностью не убрались, а лишь притаились где-то в животе.

С молодецким уханьем прыгнул на кровать и утонул в мягком болоте перины. Поворочался туда-сюда, устраиваясь поудобнее. Пожелал спокойной ночи Прохору. Тот, видимо, осерчав, не изволил ответить. Ну и ладно.

Но брюнетка-то какова! Брезгует веселой компанией.

И эти глаза...

Голову на отсечение, что уже видел их. Не в сладком ли сне?

– Пр-ришли тати, быти р-рати!

О чем это он?

На всякий случай проверил, на месте ли оружие. Шпага и коробка с пистолетами притаились под кроватью.

В комнату прошмыгнули две белые тени. Девичья рука на ходу прихлопнула назойливый огонек свечи. Бух! Бух!

И сразу жар с двух боков. Жадные губы впились ему в рот. Еще одни принялись обцеловывать грудь, плечи и живот. Быстрые пальцы вмиг расправились с его исподним.

Иван зарычал молодым бешеным зверем. Его руки стали тискать, мять, щипать и оглаживать. Темная волна поднялась из живота, застила глаза, накрыла с головою.

Воздуху! Воздуху! Жарко!!

Везде струи млечны текут,
С стремленьем в бездну изливаясь.
Во все суставы сладость льют,
По чувствам быстро разделяясь.
Восторгом тихим всяк объят.
На побежденных темной взгляд
Еще собранье звать дерзает,
Опять вступает в ярый бой
И паки сладкий ток млечной
Во всех жар жилах прохлаждает...

– Извините, что беспокою вас в столь неурочный час! – неожиданно громом прогремел откуда-то с небес язвительный грудной голос – Однако не лучше ль будет, сударь, на том и закончить? Если вам, разумеется, дорога собственная голова!

Вспыхнул огонек свечи.

Ух! ОНА! Брюнета!!

Инстинктивно прикрылся одеялом. Неистовыми сиренами завывали Акулька с Агафьей. Он чуть не стал с ними Улиссом. Кышнул на глухых. Те не прекратили выть.

За их ором чуть было не прозевал громкий тяжелый топот на лестнице.

Брюнетка быстро огляделась по сторонам, заприметила большой дубовый ларь и, ухватившись за него, попробовала сдвинуть с места. Да где ей одной управиться! Лишь чуток сдвинула с места.

– Что же вы лежите столбом? Помогайте!

Поэт всхлипнул.

– Да не стану я смотреть на вашу наготу! – крикнула дама и топнула ножкой. – Было бы на что!.. Быстрее же!

Сильно смущаясь, метнулся к ларю, по пути подцепив штаны.

– Сюда, подпирайте дверь! – скомандовала нечаянная гостья.

Еле успели. Доски тут же начали сотрясаться от гулких и настойчивых ударов.

– Я сразу заподозрила неладное, едва увидела, что двери не запираются изнутри, – перешла на шепот брюнетка. – У вас есть оружие?

Он уже успел втиснуться в свои брюки, по-прежнему оставаясь с голой грудью.

– Да, конечно... – повернулся к кровати.

И оторопел.

Его шпагой и пистолетами завладели жаркие девахи. Э-э, да ведь и они заодно с теми, что сейчас выбивают дверь.

– Не дурите! – прикрикнул, намереваясь взять своих недавних амантш на испуг.

Не проняло. Акулька выставила перед собой шпагу неумело тыча поэту в грудь.

– Не подходи, курвий сын! – шипела злой змеей.

Агафья пыталась открыть подаренный Шуваловым ларец.

– Как же он тут?..

В воздухе просвистело что-то тяжелое.

Медный кувшин ударил Акульку в висок. Та охнула, выпустила шпагу из рук, и пластом упала на кровать. Из рассеченной головы прямо на белые кружевные простыни полилась тонкая струйка крови.

– Тятка-а! – истошно завопила вторая юница. – Они Акульку уби-или-и!!

Грохот на мгновение умолк. А затем в дверь заколотили с еще большим неистовством. Теперь в дело пошли топоры. Еще немного, и доски не выдержат.

Не раздумывая, Иван повторил подвиг новоявленной Юдифи, обрушив на голову второй сестры таз. Предварительно окатив ее грязной водой. Агафья свалилась крест-накрест с Акулкой.

– Вы к чему больше привычны? – поинтересовалась Юдифь (или как там ее?). – К шпаге или пистолетам?

– Вообще-то я больше по другой части, – натягивая жилет и камзол, ответил Барков.

– Я вижу, – презрительно покосилась в сторону кровати.

– Поэт я! – отрезал молодой человек. – А вообще-то шпага сподручнее.

– Ладно, – согласилась брюнетка. – Тогда я возьму пистолеты.

Оружие пришлось ей точь-в-точь по руке. Как будто было ее частью.

– Приготовились! – скомандовала. – Сейчас! Их, по-моему, человек пять или шесть будет.

– Их – это кого? – не понял копиист.

– Вы что, до сих пор не уразумели, куда попали?

– Пр-ритон! – обзвонился доселе помалкивавший Прохор. – Р-разбойники!

– Вот! Ваша птица и то смекалистее будет!

Разбойничий притон?! А ведь верно. Все сходится. То-то он примечал, что дорога, по которой они ехали сюда, не больно наезжена. Словно ею подолгу никто не пользуется. И эти рыжие злые псы. Такие, если верить народным байкам, охраняют клады татей от посторонних глаз. А еще отсутствие постояльцев...

– Вы-то сами как здесь оказались?

– Не ваше дело! – зло закусила губу Брюнета (про себя он уже стал звать ее именно так). – Итак, сейчас!..

Дверь разлетелась в щепы, и на пороге возник рыжебородый с секирой в руках. Плечом к плечу с ним стоял давешний ямщик, стискивая кистень. За ними толпились еще человека два-три.

Рыжий сверкнул очами в сторону кровати и дико взревел:

– Ну херов сын, сейчас будет тебе халва с шербетом!

Взмах секиры. Иван увернулся. Лезвие вонзилось в спинку кровати и там намертво застряло. Не сумев его вытащить, тать выхватил из-за пояса длинный узкий нож и кинулся на жертву.

Раздался выстрел. Бородач на мгновение замяк, но потом продолжил свое наступление. Зато повалился на пол с пробитой головой ямщик. Кистень покатился по полу и очутился под ногами воинственной амазонки. Она наступила на него, а пока взяла другой пистолет.

– Что, сука?! – теснил юношу разбойник. – Пришел твой смертный час?! Думал, посмеешься над моими дочками, поблудишь и дальше поедешь? Нет, сударик, за все платить надобно!

Господин копиист молча отбивал его неумелые, но яростные выпады, а сам посматривал искоса на Брюнету. Как она там?

Вторым выстрелом девушка отправила к праотцам одноглазого детину с кривой турецкой саблей. Его место занял еще один парнище, вытянувший перед собой короткую пику. Дама осталась безоружной. Перезаряжать пистолеты не было времени. Тогда амазонка схватилась за трофейный кистень, который был тяжеловат для ее нежных ручек.

Пора кончать комедию, решил Иван. Расклад как раз тот, что нужно. Против них оставались три татя. Как раз такие ситуации они и отрабатывали на занятиях с прапорщиком Галлом.

Вжик, вжик! – запела поэтова шпага.

Вот так-то лучше, Рыжий. Ложись-ка рядом с дочками.

Ловко перебросил оружие в левую руку, а правой отстранил и толкнул себе за спину Брюнету. Отдохни малость, милая. Дай неумехе поиграть в горелки.

Ох, никак этот прохвост решил пику метнуть? Отвел назад. Нет, просто решил поработать ею, словно штыком.

Стан вправо, затем влево. Ну чистый тебе менуэт. Что же, потанцуем. А сам фигур не знаешь? Например, вот эту? Да, правильно. Поклон. За ним другой. И поворот вокруг себя. Шлепаться на задок? Это что-то новенькое в менуэте. Впрочем, он не возражает. Только не шевелись под ногами, не мешай смене партнера.

Этот, с дубинкой, вовсе никудышный танцор. Топчется медведем на одном месте, размахивая своей дубиной. Не тяжеловата ль она тебе? Вот! Говорено ж тебе было. Уронил. Да себе на лапу. Широка же у тебя спина! А шкура, шкура толстенная. Медведище!

Салют. Прощальный поклон. Шпага в ножны.

– Не соблаговолите ль вашу руку, сударыня?

– Что-то вы больно прытки для новичка? – усомнилась Брюнета, однако ж подавая ему руку. – Со словами, наверное, еще ловчее обращаетесь?

Он скромно потупился.

– Ну что, Прохор, в путь?

– Виктор-рия! – победно заорал ворон, гордо оглядывая поле боя. – Виват, Р-россия! Виват, др-рагая! Виват, надежда! Виват, благая!

– Ах ты, предатель! – возмутился Иван. – Кто тебе дозволил вирши господина Тредьяковского читать?!

– А он только вашим обучен? – невинно поинтересовалась Брюнета. – Давешняя загадка, например, чье сочинение?

– Смотрите под ноги, сударыня, – буркнул покрасневший Иван. – Ступеньки. Неровен час, расшибетесь до беспамятства, как те девицы.

– Они хоть живы?

– Да что им сделается, медноголовым? Я глянул. Обеспамятели только.

– Так поспешим. Уж больно они яростны. Чистые фурии. Надеюсь, здесь найдется исправный экипаж?

– Дай-то бог! – искренне молвил поэт. – Дай-то бог!

В сарае они нашли вполне исправные сани, а в конюшне – тройку добрых коней. К удивлению Вани, Брюнета довольно споро управлялась с лошадьми. Сам-то он вряд ли бы смог запрячь как следует.

Странно, но при их отъезде не забрехала ни одна собака.

Поэт обернулся да глянул на проклятый постоялый двор по-особому...

Избушка-избушка на курьих ножках, стань ко мне задом, а к лесу передом...

Над лесом занималась заря.

Глава 7

АНТИКВАРНЫЕ ДЕЛИШКИ

Москва, апрель 2006 г.

Шла уже вторая неделя с того утра, когда в мрачно-шикарном особняке Вадим созерцал расстрелянного в упор колдуна.

Следствие затормозилось напрочь.

Ни опросы фигурантов, ни в очередной раз изученные акты экспертизы не дали почти ничего.

Алена Серебряная лишь всхлипывала да время от времени пыталась обвинить в смерти хозяина Лидию. Пару раз вызванная леди Залов Ночи с плохо скрытым высокомерием цедила ответы на протокольные вопросы.

И у той и у другой было железное алиби – одна в момент смерти красовалась полуобнаженным телом на очередной презентации магик-шоу, вторая находилась на борту Ту-154, летевшего рейсом Воронеж – Москва.

Ничего важного не поведали ни прочие подчиненные Монго, ни его ученики.

Никого, кому смерть мага была выгодна – главный, вопрос в раскрытии преступления – не обнаруживалось.

Конкуренты у него, конечно, были, но ни один от его смерти не выигрывал – ну, придет к нему на пяток-другой клиентов больше: не убивать же из-за этого?!

Зная кобелиные наклонности покойного, Вадим на всякий пожарный искал, не наблюдается ли на горизонте обманутый муж? Но и тут его ждало разочарование.

Он было начал разматывать две показавшиеся ему перспективными ниточки – уволенная коллега Лидии и Нины бывшая жена Монго, с которой тот со скандалом расстался несколько лет назад – она вроде застукала его в койке с очередной «ученицей»...

Увы – обе нити не вели никуда.

Третья помощница Монго, Сабина Диамант (Светлана Онуприенко, двадцать восемь лет, актриса-неудачница), выгнанная с работы прошлой осенью за непомерные взятки с клиентов, второй месяц лежала в клинике, лечась от алкоголизма.

А бывшая жена (вторая по счету) жила в Смоленске с дочерью и опять-таки никуда не уезжала.

Майор видел эту увядшую, усталую женщину, приехавшую на похороны экс-супруга.

Она и курицу-то не зарежет, как презрительно припечатала ее Лидия.

Конечно, в наше время для таких дел есть специалисты соответствующего профиля. Но сотрудница областной экологической службы, не постеснявшаяся (как сообщила все та же всезнающая Лидия) ради спасения белок в городском парке вломиться в кабинет замглавы обладминистрации и имевшая у приятелей покойного славу чудаковатой бессребреницы, не тянула на кровожадную охотницу за наследством.

Тем более что супруга не наследовала – наследницами были дочери Монго.

Опять же – бывает по-всякому, но есть ли смысл убивать регулярно выплачивающего весьма неплохие алименты человека ради сомнительных выгод хозяйки магической школы?

Нет, похоже, и тут тупик.

Одним словом, на сегодняшний день оставалась единственная зацепка – исчезнувшая посылка. То есть пресловутая «Книга Семизвездья».

Вадим старался оставить этот вариант на самый крайний случай.

В конце концов, Нина-Алена могла неправильно понять Монго, а в бандероли было приглашение на какую-нибудь конференцию волшебников в Новой Зеландии или проспект

фирмы, поставляющей колдовские аксессуары. Да и сама ниточка – какой-то там колдовской талмуд – не внушала ему доверия.

Но как бы там ни было, проверять придется. Потому что больше ниточек не осталось.

Именно для выяснения вопроса с книгой майор и ждал сейчас Варвару Озерскую напротив кафе «Шоколадница».

Вадим не имел привычки лгать себе – он хотел встретиться с Варварой не только потому, что она свидетельница.

Но дело прежде всего.

Варвара появилась неожиданно, и уже издали приветливо помахала, узнав Савельева.

Девушка выглядела еще более привлекательной, чем при их первой встрече. Темноволосая, стройная – ни вульгарной косметики, ни пошлой бижутерии. Даже пренебрегла современной модой – футболкой с голым пузом. Красивые серые глаза спокойно смотрели из-под густых ресниц.

Двигалась Варвара свободно и как-то по-особому пластично – или бывшая спортсменка, отметил Вадим, или много занималась танцами.

Они устроились за столиком возле разросшегося исполинского папоротника в кадке, Савельев заказал подбежавшему официанту два кофе с пирожными.

– Вы любите сладкое? – умилилась Варвара.

– Нет, это вам...

– Так зачем вы меня пригласили, Вадим, э-э?... – спросила журналистка, разделавшись с первым пирожным.

– Просто Вадим, – кивнул майор.

– Ладно, тогда – просто Варя, – мило улыбнулась девушка. – Так вот, я даже не знаю, чем вам смогу помочь. Все, что знала, рассказала еще в тот раз. Может, я что-то конечно, и упустила – все было так... – Она махнула рукой. – Немудрено забыть – даже Прохор, и то, наверное впал бы в нервный шок!

– Прохор? – чуть вздрогнув, спросил Вадим.

– Это мой ворон, – пояснила Варя. – У меня дома, знаете ли, живет ручной ворон. Говорящий. А вы уже ревнуете, товарищ майор?

– Кстати, о ревности, – нашел выход из слегка неловкого положения сыщик. – Варя, извините, может, это бестактный вопрос: Монго ни на что такое не намекал?

Девушка совсем не обиделась, даже чуть улыбнулась.

– Намекал, представьте. Сказал, что его фирме не помешает пресс-секретарь! От которого у него не будет секретов и который будет пользоваться его самым глубоким расположением. – Она многозначительно хмыкнула.

Савельев тоже невольно усмехнулся.

– Хорошо. Я верю, что вы ничего не скрывали, – меня другое интересует. Я хочу выяснить: как, по-вашему, Монго был шарлатаном или все же что-то умел по-настоящему?

– Понимаете, Вадим, – замялась Варвара. – Именно это я и собиралась выяснить.

– И что-нибудь успели накопать?

– Вы знаете, – глубоко задумалась журналистка, – по тому, что я собрала, сложилось впечатление, что Монго... был человеком с двойным дном. С одной стороны, там было много откровенного шарлатанства и обмана. Но, с другой, – она внимательно и серьезно поглядела Вадиму в глаза, – он и в самом деле исцелял людей. И действительно всерьез изучал древнее волшебство. Я и хотела раскопать все это поглубже...

А вот теперь самое главное, пока собеседница не ожидает ничего такого...

– О «Книге Семизвездья» он ничего не упоминал?

Варвара так и замерла с приоткрытым ртом, рука, протянутая за пирожным, повисла в воздухе.

– А откуда вы про нее знаете?! – переспросила, приподняв брови.

– У нас есть основания думать, что непосредственно перед убийством эта книга была у него.

– Но это невозможно! – воскликнула девушка, вскакивая. – Она исчезла черт знает в какие времена! Да вы понимаете, что это означает?!

– Да что такое эта книга? – удивился майор. – Что вы так волнуетесь!

– О господи! – сжала руки на груди Варвара. – Как вам объяснить-то попонятнее? Ну представьте, что найдены неизвестные мемуары Юлия Цезаря! Или, пусть ближе к вашей профессии – Дзержинского или Берия...

Савельев, не удержавшись, крикнул. За кого она его держит?

– Ну так вот – то же самое будет, если найдется «Книга Семизвездья»!

Она заметно волновалась, и это делало ее еще более привлекательной.

– Впрочем... Послушайте, если хотите узнать об этой книге, если для вас это действительно важно, я могу познакомить вас с одним человеком. Он разбирается в таких книгах куда лучше меня... Да, наверное, и лучше всех в России. Николай Семенович Стрельцов.

– Уверены, что он в этом разбирается? – зачем-то задал вопрос Вадим.

– Абсолютно! Он ведь мой бывший наставник. Давайте встретимся завтра в десять утра здесь же – это недалеко, минут двадцать пешком... А сейчас простите, мне надо бежать – я совсем забыла...

Варвара всем видом изобразила волнение. Расплатившись, Вадим следом за девушкой покинул кафе.

Смутное ощущение, что во всем этом что-то не так, только укрепилось в нем.

И эта реакция Варвары, словно вдруг чего-то испугавшейся и оттого поспешившей с ним расстаться.

– Постойте, – вдруг встрепенулась Варя уже у входа в метро. – И впрямь я тогда со страху все забыла! Я тут кое-что припомнила. Во время второй нашей встречи кто-то позвонил Монго на мобильник. Кажется, там речь шла о какой-то вещи... Он говорил, что вчера ее доставили, и благодарил. Сообщал, что деньги переведены. И еще очень смешно его называл. Не то Карл Аполлонович, не то Йохан Палыч, не то еще как-то! Я еще подумала, что это литовец или эстонец... – Она смешно наморщила лоб. – А, вот, вспомнила – Отто Янович! Или Янисович? Как-то так...

– И вы больше ничего не помните, Варвара Васильевна? – осведомился Вадим. – То, что вы сказали, чрезвычайно важно.

Девушка сдвинула брови, напрягая память.

– Это был антиквар, – решительно произнесла она, – точно!

– Почему вы так решили?

– Монго еще ему сказал что-то вроде «Ну я не одного антиквара перебрал, прежде чем к вам обратиться». Наверное, это про книгу... Господи, неужели она таки нашлась?! – с какой-то странной улыбкой молвила Варя.

– Пока не нашлась, – бросил майор, – но, надеюсь, отыщем. И убийц заодно с ней. – И добавил: – Хорошо, Варя, большое спасибо. И... до завтра...

Через двадцать минут майор Савельев уже выходил из метро, спеша на рабочее место.

Впрочем, в свой кабинет он даже не зашел, а отправился к подполковнику Кукушкину.

– А, Вадим, привет, – бросил тот, хлопая гостя по плечу. – Давно не виделись. Кофе будешь?

– Спасибо, напился уже, – отказался следователь. – Слушай, Семен Петрович, ты всех знаменитых антикваров Москвы знать вроде должен?

– Ну всех не всех, но ведущие фигуры у меня вот где. – Он похлопал по компьютеру.

– А немцев или прибалтов среди них не припомнишь?

– Так тебе Гроссман, что ли, нужен? – встрепенулся Кукушкин. – Так бы и говорил! Только вот зачем тебе он? «Рижский антиквариат» – контора солидная. Дела свои обделявает чисто, и на ком трупов не наблюдается, так это на Гроссмане.

– Кое-что выяснить надо, – не стал уточнять Вадим.

– Ладно, твое дело, – бросил подполковник.

Стук клавиатуры, пара щелчков мышки, и вот уже принтер с гудением выжимает из себя еще теплый листок распечатки.

– Вот, держи свой «Рижский антиквариат» – все данные.

Фирма действительно была весьма и весьма солидная.

Кроме Риги и Белокаменной, филиалы в Питере и Одессе, представительства в Лондоне, Париже, Нью-Йорке и Амстердаме, и даже в Токио. «Рижский антиквариат» фигурировал и в каталогах крупнейших антикварных аукционов мира.

Ежегодные обороты...

Московское отделение – телефон, факс, адрес, адрес электронный, адрес сайта – вот даже как?

А вот и то, что нужно.

Директор – Гроссман Отто Янисович, контактный телефон в Риге, Москве, Питере и почему-то в Одессе...

Ниже была короткая справка о Гроссмане.

Родился в Риге в пятьдесят пятом году, высшее образование, кандидат искусствоведения... Гражданство латвийское и израильское. Ах, даже и барон? Титул наверняка купленный.

Не в привычках Вадима было откладывать что-то на завтра. Нимало не смущаясь, он набрал для начала московский контактный номер.

И, признаться, удивился, когда на звонок ответили:

– Слушаю!

– Я старший следователь Московского уголовного розыска майор Савельев, – представился он как можно более сухо и официально, тоном человека, не желающего знать ничего, кроме порученного дела. – Мне необходимо поговорить с Отто Янисовичем Гроссманом.

– Я слушаю, – прозвучало на другом конце.

Голос был, между прочим, довольно приятный: низкого тембра, в меру доброжелательный и даже акцента почти не чувствовалось.

– Я по поводу убийства Георгия Монго, – взял быка за рога Вадим.

– Да, я знаю – ужасная трагедия, – в трубке послышался скорбный вздох.

– У нас есть информация, что незадолго перед этим событием он купил у вас некую книгу. Так вот – этой книги мы не обнаружили. Не могли бы вы прояснить кое-какие моменты?

– Да-а, это та-ак, – от волнения у собеседника прорезался акцент. – Он купил у меня книгу... «Книгу Семизвездья». Да-а, точно та-ак...

На минуту Гроссман куда-то исчез, словно отключился.

– Вот что, – сообщил он после паузы. – Сегодня я уже не могу, я за городом. А завтра в шестнадцать ноль-ноль у меня рейс на Ригу. До двух часов дня вы можете спросить у меня лично все, что захотите. Вас не затруднит прислать человека ко мне домой? В любое время – с утра и до двух часов дня? Мой адрес...

Вадим торопливо записал название улицы и дома.

– Да, благодарю вас, так и сделаю.

Вешая трубку, Вадим не мог не отдать должное собеседнику.

Хотя этот самый Гроссман и был явно потрясен тем, что убийство Монго имело какое-то отношение к книге и его делам с магом, но при этом так ловко и ненавязчиво поставил жалкого полицейского на место!

Вошел Стас, нагруженный сумками.

– Здравствуйте, товарищ майор! – поприветствовал Савельева Зайцев.

– Ты никак ларек по дороге ограбил? – усмехнулся Вадим. – Как твой жмурик там поживает?

(Маг магом, но прочие дела с сыщиков никто не снимал, и Зайцев был с утра отряжен на Кожуховский рынок, где уже месяц тому кто-то расстрелял в упор коммерческого директора.)

– Жмурик поживает, как и положено жмурику, а на вашем месте я бы просил постановление на арест тамошнего гендиректора, – охарактеризовал результаты поездки Зайцев. – По роже – вылитый бандит. Он и десяток замов своих заказал бы и не поморщился!.. И не грабил я никого, – обиженно добавил старлей. – Все это доброхотные даяния частного сектора правоохранительным органам!

– Ох, доведут они тебя до греха когда-нибудь... Эти самые даяния!

– Кофе не желаете? – Зайцев вынул из объемистого пакета банку «Нескафе Гольд».

– И что вы меня сегодня все кофе напоить хотите? – рассмеялся Савельев. – Кстати, о кофе, – принял он решение относительно Гроссмана. – Завтра оденешься в штатское, и чтоб был лучший костюм. Идешь вот по этому адресу, – сунул подчиненному бумажку. – Будешь пить кофе в особняке у миллионера. Твоя задача – выяснить все о заказе, который сделал ему Монго. Конкретнее – насчет так называемой «Книги Семизвездья». Понял?

Старший лейтенант энергично закивал.

По крайней мере, глядишь, малость собьет с Гроссмана спесь. Стас это умеет. Настоящий спец по наведению контактов с нуворишами.

А мы пойдем выяснять насчет книги. Что это за Семизвездье такое и с чем его едят?

И в очень приятной компании.

Глава 8 МОНАХИ

В-да, зима 1758 г.

– И вы, так сказать, одним махом семерых побивахом? – участливо вопрошал пристав, а у самого в глубине глаз притаилось недоверие.

– Ну да! – в который раз пожал плечами Иван, недоумевая, отчего это его рассказ вызывает у собеседника такое сомнение.

– Однако ж! – изумился офицер и даже всплеснул руками. – Мы тут полгода за шайкой Клопа гоняемся, а вам вот так с ходу удалось небывалое: найти разбойничий притон да еще и уходить всех татей! Да таковой-то подвиг достоин быть запечатленным на золотых скрижалях, где пишутся имена героев Отечества!

– Не надобно скрижалей! – с искренним ужасом воскликнул поэт.

Лишняя шумиха вокруг его персоны была ни к чему. Еще, не приведи господи, дознаются, что геройствовал в лесу он не один, а на пару с прекрасной амазонкой. Брюнета же слезно умоляла сохранить ее инкогнито.

Чудная она какая-то. Даже не назвалась.

«Так лучше будет для нас обоих», – заявила.

У поэта сложилось впечатление, что девушка явно чего-то недоговаривает. И кого-то страшится. Особенно же утвердился в этом мнении, когда попутчица за версту или полторы до городской заставы вдруг объявила, что дальше пойдет пешком. А ее нехитрый скарб, ежели, конечно, господина Академии Российской копииста не затруднит, он может завезти в Горний Покровский монастырь.

Монастырь, удивился про себя Ваня. Она что ж, этакую-то красоту на веки вечные от людей да от мирской суеты схоронить хочет?

Искоса посмотрел на чуть смуглое лицо с впалыми щеками и чуть-чуть высоковатыми скулами. Пухлые губы-вишни так и звали, чтоб покрыть их страстным лобзанием. Но глаза... Большие и темные, исполненные затаенной печали. Они ставили между ним и Брюнетой некую незримую преграду, преодолеть которую у поэта пока не доставало сил.

Не стал ей тогда перечить и удерживать. Надеялся, что это все-таки не последняя их встреча. Тем более что посещение Покровского женского монастыря также входило в цели его путешествия. По сведениям профессора Тауберта, святые сестры сберегали такие сокровища, что иным книжным собраниям и не снились. А ведь сама обитель основана сравнительно недавно, всего каких-то шестьдесят лет назад. Вот и надо бы выяснить, откуда к монашкам попали древние манускрипты...

– Знаете ли что, офицер? – пришла счастливая мысль в Иванову голову. – А давайте не станем в официальный отчет писать мое имя, а? Вы ведь и впрямь столько трудились, а я тут так, проездом... Впутался случайно в ваши дела... Мне же лишний шум ни к чему... Дойдет до Академии, засмеют мужи ученые. Скажут, что подался-де Барков из копиистов и переводчиков в сыщики.

– Да, да, понимаю, – насупил брови пристав.

А у самого лицо сделалось довольное-предовольное. Наверное, уже и прикинул, какую награду получит от начальства за столь лихо проведенную операцию. Все они, немцы, таковские. Им лишь бы перед начальством выслужиться. Этот из той же породы. Хоть и шпарит по-нашему, словно коренной русак, а кровь-то некуда скрыть.

– И... – решил подпустить туману поэт, – имену к тому же конфиденциальное поручение от...

Воздел очи горе, чтоб показать, насколько высоко сидит его доверитель. А дабы пристав не сомневался, кто да за каким делом послал, добавил:

– Дошли до его высокографского сиятельства слухи, что тут у вас беспокойно... Что вы на это скажете?

Военный вмиг побледнел и подобрался.

– Слюхи? Какие слюхи?

Ну точь-в-точь, как он сам спрашивал у Шувалова. И акцент сразу прорезался. Знать, заволновался немчин.

– Нехорошие... И странные... Ничего показать по сему поводу не имеете?..

Ага, так он все первому встречному и выложит. Мало ли каков самозванец сыщется. Так что ж ему, всю губернскую подноготную и выкладывает?

– Никак нет, сударь мой! – покачал головой офицер. – Вот разве что...

Он вдруг захихикал.

– Что такое?.. – приготовился услышать нечто похабное поэт.

– На ярмонке бабы баили, будто на прошлой неделе выловили мужики на нашей речке из проруби...

И сделал красноречивую паузу.

– Русалку? – попробовал угадать приезжий.

– Куда там! – хитро прищурился пристав. – Крокодила!

– Быть того не может! – скривился Иван. – Вот же брешут бабы.

– Точно! А еще видели то там, то сям большущих змей. Некоторые из них были о двух головах...

– Змеи? Зимой?

Пристав загоготал уже во весь голос.

– Вижу, разочаровал я вас? – молвил, вытирая с глаз слезы. – Ну чем богаты, тем и рады. Больше ничего странного да любопытного не припоминается.

– Ежели что, – спросил на прощание поэт, – можно ли будет через вас снести с его сиятельством? Весточку подать там или еще что...

– Буду рад услужить, – сухо поклонился офицер.

«Змеи с крокодилами? – размышлял, выходя из здания заставы Барков. – Не о них ли толковал Приап?

Агарпии и Евмениды
И демонов престрашны виды
Все в запуски ко мне бегут...

Но чем его могли заинтересовать все эти гады? Это скорее Михаиле Василичу куда как любопытно будет. Любитель он народных баек да сказаний».

В-да не произвела на Ивана особенного впечатления.

Небольшой городок, каковых немало на святой Руси. Без с ходу бросающихся в глаза великолепных и замечательных зданий. Однако ж довольно чистенький и уютный.

Самую замечательную особенность его составляло то, что за исключением церквей в нем имелось чрезвычайно мало каменных зданий, вероятно, от дороговизны каменных построек. Зато деревянные дома были так велики и так хороши, что подобных поэту не случилось видеть нигде. Между ними немало двухэтажных сооружений, и некоторые не уступали любому каменному дому.

Замечательны были на всех улицах широкие деревянные тротуары. Видно, что деревья здесь много и достается оно дешево. Это обилие леса сказывалось при самом въезде в В-

скую губернию: в деревнях невольно обращали на себя внимание огромные крестьянские избы, на высоких подклетьях, с широкими мостами для въезда в верхний этаж.

Он снял комнату на втором этаже постоялого двора, находившегося в центре, на Дворянской улице – неизбежной в каждом губернском городе. Плотно позавтракал и отправился по делам.

Саней нанимать не стал, решив совместить приятное с полезным: и воздухом подышать, и к окрестностям присмотреться.

Резиденция архиепископа находилась у местного кремля, построенного на берегу реки В-ды, по всей видимости, и давшей название городу.

Иван некоторое время побродил по мощенной камнем площади. Заглянул и в кафедральный Софийский собор, выстроенный радением Иоанна Грозного. Полюбовался украшающими стены святыни фресками. Отчего-то особенно привлекла его внимание сцена, живописующая сошествие иноверцев в ад. Возможно, потому, что в одном из персонажей ему почудились черты убиенного им накануне рыжебородого разбойника.

Как там его назвал пристав? Клоп, что ли? Экое отвратное прозвище. А как подходит татю! Вылитый клоп-кровопиец. Сколько невинной крови пролил да попил.

При мысли о давешнем побоище поэту пришла в голову мысль, что надо бы поставить свечу за упокой новопреставленных. Не худо бы и исповедоваться. Хоть и по необходимости, а замарал руки красным. Негоже ему разбойникам с большой дороги уподобляться.

Ну покаяться ему случай представится. Еще наездится по святым местам. А свечку можно и сейчас возжечь.

Купил ту, что потолще, и стал примеряться, к образу какого святого ее приладить. Ивану ли воину, своему небесному покровителю, воздвигнуть? Или Николе-угоднику? В раздумьях постоял перед иконой великомученика Христофора, вспомоществующего путникам. Вроде бы избавил в пути от напасти. И все же ставить свечу к подножию псоглавого святого не стал. Посчитал зазорным, чем-то сродни идолопоклонничеству. Оно хоть и христианский страстотерпец, а больше напоминает языческих богов. В конце концов прилепил пылающий восковой цилиндр у иконы Богородицы Казанской.

Напомнила ему ту, другую деву. С такими же большими скорбными глазами.

И еще одну. Увиденную на мосту и куда-то влекомую двумя солдатами.

Эти три женских лика до странности накладывались один на другой, сливались, превращаясь в одно лицо.

Объятым страшной мглой печали
Открылась ясность нам в ночи:
Когда пресветлы воссияли
От Твоего венца лучи,
Весна среди зимы настала,
Заря багряна облистала,
И облачный прогнала мрак.
Как после дней ненастных летом
Все греет солнце ярким светом,
Так Твой живит нас в скорби зрак.

Выйдя из полутемного храма, поэт немного постоял, давая глазам по привычке к солнечному свету. Прислушался к шумному говору ребятни, собравшейся над самым обрывом, в низу которого леденела неширокая в этом месте река.

С первого раза померещилось, что они говорят на каком-то особенном наречии: выговор отличался странной, непривычной уху певучестью.

Когда же приобвык да внял, о чем между детьми речь, то бочком-бочком подался к малышне. Завидев чужака, они примолкли и сгрудились стайкой, закрывая спинами нечто, лежавшее на снегу.

– Что здесь у вас? – полубопытствовал господин копиист.

И нарвался на хмурые взгляды да неласковое:

– Иди себе мимо, дядя!

– Уж больно вы грозны, – хмыкнул Иван, пытаясь раздвинуть двух тесно прижавшихся плечом к плечу мальчиков. – Позвольте-ка...

– Сказано же, иди своей дорогой, брат!

Из-за детских спин, откуда ни возьмись, объявились два молодых монаха. Сами были всего-то пятью или шестью годами старше прочей ребятни.

– О, Кузьма, Дамиан! – радостно заулыбались им малыши. – Мы снова тут нашли...

А он...

– Нашли? – нахмурил светлые брови один из монахов.

Повернулся к своему спутнику, темноволосому смугляку, и кивнул. Тот достал из-под полы подрясника кожаный мешок и наклонился к земле. Подобрал что-то со снега и быстро сунул в торбу. Потом подозрительно сверкнул на поэта черными угольями-глазами.

Иван сделал вид, что не смог разглядеть, чего это там было прибрано. Он и впрямь не рассмотрел в деталях, едва успев прищуриться и глянуть по-особому. Однако ж кусок змеиного хвоста заметил.

«Э-ге-ге».

Владыка Варсонофий принял его не сразу.

То ли и впрямь был занят. То ли просто хотел показать залетному гостю, что здесь он сам птаха наивысшего полета, равная любому из столичных вельмож.

Когда же наконец Ивана проводили к нему в покои то, едва взглянув на архиепископа, парень понял, что перед ним находится истинный пастырь душ.

Чем-то он напоминал покойного тятеньку. Такой же большой и добрый. И, видно, большой охотник до книжного слова. Эвон сколько книжек в настенных стеллажах. И большой грудой на столе, прямо перед носом владыки.

Поэт с удивлением отметил, что там лежали книги как на русском, так и на иноземных языках: латинском, немецком, французском. Непривычно было зреть подобное у православного святителя. Оно бы больше пристало какому-нибудь князю католической церкви. А отчего так, Иван и сам объяснить не мог. Возможно, памятен был шум, поднятый в прошлом году церковниками вокруг «Гимна борודה», написанного Ломоносовым и обличающего ханжество и лицемерие священства.

– Ты в латыни как, силен? – огорошил его вопросом Варсонофий. – А, господин копиист?

Иван от неожиданности заморгал глазами и замешкался с ответом. Потом неловко кивнул.

– Не пособишь ли переложить на наш язык вот это место? – протянул тонкую книгу архиепископ. – Никак в толк не возьму, о чем речь идет.

Поэт принял том и пробежал глазами текст.

Пастырь корпел над изучением... сатир Горация!

Это была восьмая сатира из первой книги и называлась она... Молодой человек почувствовал, как от волнения его прошиб пот.

Звалась сатира «Приап»!

Латинский стихотворец представлял в своем творении Приапа, статуя которого была поставлена в Эсквилинских садах, жалующегося, что его беспокоят не столько воры и птицы, сколько некие ворожеи, собирающиеся в том месте для колдовства.

Архиепископский ноготь отчеркнул следующие строки:

И зубом растерзав потом они овна,
На коем черная везде была волна,
Кровь в яму испускать ископанную стали,
Чтоб духи собрались и им ответы дали.
Личины ими две туда ж принесены,
Которы сделаны из воску и волны;
Последняя была сильнее первой многим,
Хотевшая карать мученьем слабу строгим.
Из воску сделана стояла перед той,
Как рабским образом терпящая рок злой
Едина Гекату на помощь призывала,
Другая лютую Тизифону склоняла.

– Ишь ты, как складно, – похвалил владыка. – У меня так не выходит. И вот что еще скажи мне, вьюнош. Зачем это они закапывали в землю волчью голову купно с зубом змеи?

– Мню, чтоб навести порчу лютую, святой отче, – ответил Иран. – В латынских деревнях был обычай привешивать над дверьми волчью морду, чтоб уберечься от сглазу.

– Ага... – призадумался архиепископ, повесив голову на грудь и надолго замолчав.

Барков даже подумал, а не заснул ли часом достойный и ученый пастырь. Но нет. Вновь поднял на него свои очеса и повел разговор о том, зачем, собственно, и явился к нему проситель.

– Ходатайство графа Кирилла Григорьевича я рассмотрел. И не вижу препятствий к его удовлетворению. Ступай в канцелярию, сыне, там тебе выпишут от меня грамотку к монастырской братии.

– И в Горний Покровский тоже?.. – быстро спросил парень.

– Почто пытаешь о той обители? – ответил вопросом на вопрос владыка и подозрительно прищурил на него око.

От доброты и следа не осталось на лице пастыря. Он весь как-то подобрался, сделался жестче.

– Так зачем тебе в Покровский монастырь приспичило? – уже более настойчиво молвил Варсонофий.

– Академику Тауберту стало достоверно известно о том, что в обители сей весьма ценные рукописи сохраняются. Среди них и несколько старинных летописей.

– Вон как, – протянул архиепископ, но по его виду было понятно, что не поверил столь простому объяснению. – Увы... Сейчас в обитель попасть невозможно. Пошешь у них там какая-то завелась. Вот сестры и затворились до времени. Пока не пройдет...

В свою очередь не поверил святому отцу и Иван. Неожиданно как-то напала хворь на монашек.

– Благословите, отче!

– Храни тебя Господь, сыне. Да не зарывай таланты. Умные да знающие люди Руси-матушке ох как нужны! Особенно в такую-то годину...

«В какую?» – хотелось спросить поэту, но сдержался.

Понятное дело, не лучшие времена переживает империя. Третий год войны. Дороговизна. Хвори разные. Статочное дело, сама государыня болеет. А тут еще внутренние раздоры. Канцлера Бестужева под арест упекли.

И, однако, удивителен интерес преосвященнейшего отца к ворожбе да чародейству. И настороженность при упоминании о Гекате и Тисифоне – богинях, покровительствующих змеям. Кои и изображались-то с гадюками вместо волос.

Marlbrough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine...

В задумчивости возвратился Иван к себе на квартиру.

Будь он несколько менее озабочен, то непременно бы заметил двух юных монахов, теньями кравших за ним по пятам до самих дверей постоялого двора.

Из одних в монастыре два монашка жили,
В нужном случае зимой друг другу служили...

Глава 9 КНИЖНИК

Москва, апрель 2006 г.

– Итак, вы хотите получить от меня консультацию по поводу так называемой «Книги Семизвездья»? – начал Николай Семенович, когда Савельев и Варя устроились в креслах. – Хотите чего-нибудь? Чай? Кофе? Минералочка?

Майор хотел отказаться, но спутница его опередила.

– Минеральной... если можно, – попросила девушка.

Вадим Сергеевич украдкой осматривался.

Жилище книжника выглядело самым обычным. Две комнаты, недорогая мебель, компьютер не из самых навороченных – к примеру, с машиной покойного Монго и не сравнить. Что удивило майора – в квартире было не очень много книг, и все больше современные издания. Впрочем, кто знает: может, хозяину вполне хватает того, что книг много у него на работе?

– Значит, «Книга Семизвездья»... – молвил Стрельцов, когда Варя допила воду. – Ну что ж... воля ваша. Но мне придется начать издалека.

Он задумался, как бы подбирая слова.

– В трюмах корабля нашей цивилизации за прошедшие тысячелетия накопилось много всякого такого, о чем даже и посвященные не всегда догадываются. Среди всего прочего – «проклятые книги». Вам, кстати, знаком этот термин?

Савельев неопределенно пожал плечами. Книги – это в принципе не по его профилю.

– Естественно... – кивнула Варя, подливая в бокал боржом.

– Да, конечно, – согласился ученый, – проблема эта не так чтобы и неизвестна... В отличие от самих книг. И на нее существуют самые разные, надо сказать, точки зрения. Тем не менее, я буду придерживаться общепринятого в кругах подлинных знатоков взгляда на проблему.

Есть сочинения определенного сорта, что время от времени всплывают на поверхность, оказываясь в руках самых разных людей – обычно тех, кто оставил тот или иной след в истории. Людей, как правило, уважаемых и достойных. По большей части заслуживающих хотя бы доверия. Всплывают... а потом пропадают на век или два – чтобы потом опять возникнуть. словно сами решают, когда и к кому им прийти.

– Это как? – справился Савельев.

В душе он уже начал слегка тяготиться этим визитом подозревая, что даром потратил время – и свое, и девушки.

– По-разному... Ну вот, например, сейчас я пишу работу о так называемом «Тибетском евангелии».

– Простите?... – переспросила Варвара.

– О, это довольно необычная история, – оживился книжник, оседлавший любимого конька. – Лет тридцать назад в библиотеке буддийского монастыря Гимис русским эмигрантом Николаем Нотовичем был найден манускрипт о неизвестной жизни Христа в Гималаях. Вот что мы узнаем из него. В тринадцать лет Иисус с купцами уходит к Инду изучать законы Будды. Прослышав о его мудрости, почитатели бога Ганеши просят поселиться у них. Жрецы Браммы в княжестве Орчис учат его исцелять молитвами, изгонять из тела человека злого духа. Все свои сверхъестественные возможности Он затем применит на практике, что видно и из канонических евангелий.

Ученый похлопал по пухлой книге, лежавшей перед ним на столе. На корешке золотой славянской вязью было выведено «Библия».

– Но вот дальше следует самое интересное. Постепенно Божий сын начинает осуждать все и вся, отрицая божественное происхождение Вед и Пуран: «Не кланяйтесь идолам, не следуйте Ведам, в которых истина искажена». Жрецы и воины были поражены таким отношением и такой платой за радушное гостеприимство. Затем Иисус поехал в страну, где родился Будда, и начал изучать Сутры, что заняло у него пять с лишним лет. Оставив Непал и Гималаи, он спускается к язычникам и вновь начинает сеять смуту, выступая в роли религиозного диверсанта: «Я вам говорю, оставьте своих идолов и не исполняйте обрядов, которые разлучают вас с вашим Отцом и связывают вас со жрецами, от которых небо отвернулось».

– Чушь какая-то, по-моему, – не сдержался Вадим Сергеевич.

– Возможно, – кивнул Стрельцов. – Но, тем не менее, почему-то христианские теологи эту книгу не любят настолько, что предпочитают не ругать ее, а просто замалчивать.

Ну так вот: принято считать почему-то, что всякие древние книги, тайные знания и все прочее – это где-то на Западе, в древних замках и монастырях. Монсегюр, Грааль, Приорат Сиона...

Что такое этот самый «Приорат», Савельев не знал, но на всякий случай запомнил.

– Это большая ошибка. Среди древних русских литературных памятников существует целый раздел, именующийся «отреченными книгами», которые по идеологическим соображениям были запрещены православной церковью. Да-да, как и католическая церковь, православная имела и поныне, кстати, имеет свой «индекс запрещенных книг».

На первом месте в нем числится книга «Рафли». Она излагает очень сложную и своеобразную систему гадания, судя по дошедшим до нас отрывкам, основанную на двоичном исчислении! Так что выходит, что первоисточником принципа действия современной вычислительной техники и многих разделов высшей математики были наши обыкновенные языческие святцы, причисленные духовенством к «злым ересям».

В другой запрещенной книге – «Аристотелевы врата, или Тайная тайных», тематически примыкающей к уже упомянутому мной сочинению, содержится подробное руководство для гадания об исходе любого важного дела. Что любопытно, духовенство выделило эти книги с недвусмысленным определением «... учение рафлям, сиречь святцам языческим». В одной из описей царской библиотеки времен Алексея Михайловича дано примечание: «По их учению, рафль, а по-нашему, по-словенски, святцы». Рафли русских индексов с гадальными текстами были известны на мусульманском Востоке, в Византии и Западной Европе. – Остается лишь безмерно жалеть, – продолжал профессор, – о незнании нами «Славянской книги Еноха Праведного», «Молниятника», «Громника», «Колядника» «Лунника» и многих других. В этих книгах заключены знания о природе, культуре и истории.

И таких текстов великое множество. Вот одни названия этих «бесовских» книг: «О часах добрых и злых», «Приметы о днях», «О вей твари»... Между прочим, «О часах добрых и злых» – по сути, первое в мире учение о биоритмах.

А сколько интереснейших трудов оставили русские еретики! О! Русские ереси, история отечественного свободомыслия и борьбы с нашими замечательными византийскими догмами – тут непочатый край работы, целый клад для истинного историка! – мечтательно вздохнул Стрельцов. – Сколько их было – стригольники, антиринитарики, «жидовствующие»... В каждой части русской земли, в каждой области были свои оппозиционеры духовной власти церкви. Думаете, наши предки были глупее европейцев?

Николай Семенович печально улыбнулся.

– Жаль, что ныне эта тема, скажем так, немодна и не поощряется. Впрочем, извините, я отвлекся. Так вот: среди книг, запрещенных церковью, той, что вас интересует, не упомянуто. Видимо, потому, что известно было лишь три ее списка, из которых вскоре остался один.

– Простите, а два других? – В Савельеве разыгралась профессиональная дотошность.

– По имеющимся сведениям, один пропал на Украине в 1649 году, в сожженном имении князей Острогожских, второй затерялся еще в дни Лжедмитрия I, – надолго не задумываясь, сообщил Стрельцов. – Что же конкретно известно о «Книге Семизвездья», или иначе «Семизвезднике»? Ну что до названия, то оно, скорее всего, связано с древним именем созвездия Большой Медведицы и означает, что создавался текст в северной стране – или странах. Что же до содержания... оно касается магии. Причем варения приворотных зелий и ядов и не гаданий на трепухе висельников, а исключительно высшей магии.

«Это как?» – хотел в очередной раз задать вопрос майор, но вовремя прикусил язык.

– Если вкратце, – Николай Семенович словно услышал его мысль, – там повествуется о способах установки связи с некоторыми... мм... скажем так, сущностями, общение с которыми может дать подлинное могущество и знание.

– Это дьявола, что ли, вызывать? – не сдерживая иронии, осведомился майор.

– Нет, к христианскому дьяволу эти сущности как будто отношения не имеют. Хотя возможно, кто-то из причастных понимал это именно так. Но если судить по известным нам сведениям, весьма скудным, это скорее те силы, к которым обращались наши предки на протяжении тысячелетий. Если угодно, Древние Боги.

Последние слова были произнесены именно с большой буквы.

– Вы это серьезно? – не выдержал Савельев.

– Это не я, это мнение исследователей – двух или трех, – занимавшихся этим вопросом. Что до меня, то я сугубый материалист. Хотя и с уважением отношусь к нынешнему язычеству – хотя бы за его попытку вернуться к столь древней традиции. И потом, у нас в последние полтора десятка лет так много рассуждают о каком-то «возврате к истокам», что нет ничего удивительного, что кое-кто нашел эти истоки в Перуне и Свароге... Между прочим, в знаменитом «Стоглаве» есть открытые свидетельства, что в XVI веке на Руси поклонялись языческому богу Дионису, официально совершая обряды по всем правилам.

– Это при Иване Грозном? – уточнил майор.

Николай Семенович кивнул.

– Это только принято считать, что он активно боролся с ересями. А ведь при нем одним из ближайших советников состоял знаток астрологии и мантики Иван Рыков, за что царь «был зело упрекаем» князем Курбским. Был еще и Елисей Бомелий – «лютый волхв».

Вадим Сергеевич, тем не менее, не сдержал улыбки.

Нет, конечно, про новых язычников; всяких там волхвов и жрецов он знал – иные даже проходили по его уголовным делам, но все же в глубине души сомневался, что нынешний человек по-настоящему может верить во всех этих языческих богов. Хотя, к примеру, краем уха слышал от знакомого из отдела внешних связей МВД, что в Полтавском институте милиции начальником какой-то полковник, всерьез будто бы верящий в вавилонских или еще каких-то богов и чертей.

– А вы зря улыбаетесь, молодой человек, – заметив его реакцию, тоже улыбнулся доктор наук.

Улыбнулась и Варвара – Николай Семенович был старше ее спутника лет на десять от силы. Ему было, наверное, немногим за сорок.

– Если вдуматься, то, молясь в православной церкви, обращаясь к Иегове, люди ведь тоже призывают одного из языческих Древних Богов – племенного бога одного кочевого народца козопасов из пустынь Передней Азии...

Майор невольно посмотрел на Стрельцова: не шутит ли тот? Но лицо книжника было сугубо серьезно.

– Ведь он – не кто иной, как тот самый пресловутый Элохим, Эль, Бел, Саваоф, Белалла, коему издревле поклонялись в тех краях. Всего лишь один из сонма богов. В конце

концов, разве в Библии не сказано о мечте Сатаны «Воссесть в сонме богов»? И поклонялись этому богу иногда весьма и весьма... своеобразно.

Как вспоминает Аристарх Самосский, в Гиераполисе, что в Сирии, неподалеку от святилища Кибелы – кстати, вслушайтесь в имя Ки-БЕЛ-а, – стоял храм Кадэшим, где поклонялись оному богу. И перед его воротами стояло два высоких каменных... хм, фаллоса. В торжественные дни самые высшие жрецы храма поднимались на их вершину, садились в молитвенной позе и возносили молитву за всю Сирию. Ну а за отдельную плату могли помолиться и за жертвователя.

Да что говорить, даже в православной Греции, где вроде бы и храмы никто не рушил, как верещат наши политики в рясах, и православие – государственная религия, и Афон имеется с прочими святынями, существует церковь поклонников древних олимпийских богов, довольно-таки активно требующая своего официального признания. В ней насчитывается под сотню тысяч человек, при том, что в самой стране народу раза в полтора побольше, чем в Москве...

– Да, в самом деле, – неожиданно подтвердила Варвара. – Я что-то про это читала...

«Ну и ну, – подумал слегка озадаченный Савельев, – и как только люди с ума не сходят?!»

Некстати вспомнил шефа – генерала Серебровского, недавно в составе делегации родного ведомства ездившего в Грецию и имевшего там беседу с настоятелем главного афонского монастыря. И вдруг невольно улыбнулся, представив генерала беседующим с каким-нибудь архипастырем церкви Зевса Громовержца, в древней хламиде и лавровым венком на голове.

«Ладно, это не наш околоток, слава Богу».

– Так вот, вернемся к нашей «Книге Семизвездья». Упоминаний о ней не так много – десятка полтора всего наберется, если по совести. Ее автором считается ирландский ученый монах Теобальд, попавший в плен к русским при Александре Невском и прижившийся в Новгороде. Впрочем, он мог ее просто привезти на Русь. А последние сведения гласят, что она находилась в книжном собрании небезызвестного Брюса, которое было замуровано в подвале Сухаревой башни. Потом еще писали, что после ее сноса в тридцатые годы прошлого века оно попало в руки НКВД. Но это писалось, сами понимаете, в какие времена, да еще в газетах не самого лучшего пошиба. – Николай Семенович махнул рукой. – Потом достоверных сведений нет...

Книга подразделялась на две части. Первая – это записи тех, кто владел ею. Например, все того же Елисея Бомелия. Или патриарха Никона – тоже знаковая фигура. Утверждают, что там есть страницы, способные перевернуть наше представление об истории. Кроме того, в ней содержались краткие выписки из не дошедших до нас книг включая, может быть и те, что сгорели вместе с Александрийской библиотекой. Не забывайте: сей манускрипт побывал в руках многих истинных мудрецов.

«Сейчас он вспомнит библиотеку Ивана Грозного», – промелькнуло у замороженно слушающей Варвары.

– Есть мнение, что именно в ней указано место захоронения знаменитой либерей Ивана Грозного, – сообщил книжник. – Впрочем, эта библиотека – особая история, как и то, почему Иоанну Васильевичу взбрело в ум ее прятать. А вторая часть книги – оригинальный текст Теобальда – это, собственно, и есть высшая магия, точнее, ее раздел, именуемый теургией, – иначе: способами получить в свое распоряжение часть божественной силы. Причем, как говорят те, кто с книгой ознакомился, способы оные доступны даже и обычным людям. Простые и не требующие ничего, вроде кровавых жертв и сверхсложных заклинаний.

– Вот даже как? – невольно почесал нос Савельев.

– Да, именно так, – подтвердил профессор. – И я бы не стал от этого отмахиваться, несмотря на весь мой материализм. Допустим, что может быть проще паровой машины? А сколько времени потребовалось человечеству, чтобы ее придумать? И если на то пошло, первые примитивные паровые машины и даже роботы появились еще в античности, но были забыты... Почему бы и в том, что мы именуем сверхъестественным, не быть таким вот забытым открытием? По сути, эта книга – итог тысячелетних наблюдений за природой и человечеством...

– Простите, Николай Семенович, – несмело, будто школьница, произнесла Варя. – Вот вы только что сказали, что последние упоминания о «Семизвезднике» связаны с именем Брюса...

– Да-да, – закивал ученый.

– А как же «Девичья игрушка» Баркова? Ведь она была написана через двадцать лет после смерти знаменитого фельдмаршала?

Архивариус посмотрел на девушку так, словно она сказала такую несусветную глупость, что ни в какие ворота не лезла.

– Как вам не стыдно, сударыня? А я вас еще почитал серьезным ученым! Барков! Ха! Это вы «Оду Семи звездам» имеете в виду?

– Угу, – еле слышно произнесла покрасневшая, что маков цвет, Озерская.

– То-то, что «угу», – передразнил профессор. – Несомненная фальшивка! Нет такой оды ни в одном авторитетном списке «Девичьей игрушки»! Не-эт!

Он резко махнул рукой, разрубая невидимый гордиев узел.

– Ну что ж, молодые люди, не смею вас больше задерживать... – Встав, Стрельцов смешно потер руки. – Тем более у меня заседание кафедры. Всего доброго, надеюсь, смог быть вам полезным. Да, – вдруг нахмурился он. – Могу сказать лишь одно: если эта книга действительно имела отношение к смерти Монго, то выходит, в ней есть тайны, которые убивают до сих пор. Это может вам показаться смешным, но я изучаю древние книги не первый год, и поверьте, иногда и впрямь сталкиваюсь с вещами, необъяснимыми с точки зрения здравого смысла... Так называемого...

– По-моему, очень умный дядька, – констатировала Варвара, когда они вышли из подъезда. – Приятно было послушать!

– Так-то оно так, но, кажется, мы даром потратили время, – буркнул Савельев.

«Да уж, – с непонятым раздражением подумал сыщик. – Значит, поклонялись, садясь на каменный фаллос! Каким местом да каким способом садясь – вот еще вопрос!»

– Не дуйтесь, Вадим. Это вам ужасно не идет. Кстати, я живу тут неподалеку. Не хотите заглянуть на чашку кофе? Я ведь вам должна...

Вадим протестующе замахал руками.

– Пойдемте, пойдемте. С Прохором вас познакомлю.

Глава 10 МОНАХИНИ

В-да, зима 1758 г.

Под водочку да соленые огурчики малость отпустило. Хоть и принял немного, больше не для веселия, а здоровья ради. А то совсем неумоготу стало от мыслей.

– Я же поэт! – ожесточенно доказывал Прохору. – Ученый, а не сыскарь! Разумеешь?

– Р-разумею! – соглашался ворон, а сам с неодобрением косился на стакан, которым размахивал его приятель.

– Меня послали сюда не для того, чтобы всякие вздорные слухи проверять, но для пользы отечественной науки. Верно?

– Вер-рно!

– Вот и стану заниматься делом. Шутка ли, четыре монастыря осмотреть. Да в пятый, если получится, нагр-януть.

– Нагр-рянуть!

– Да что ты; словно попугай, заладил?! – озлился поэт.

Тут и Прохор осерчал. Ах, ты, значится, так! Ну погоди же, милоч.

– Бр-росай водку жр-рать! – завопил благим матом. – Завтр-ра р-работать!

– Ты чего? – опешил парень, не ожидавший столь предательского удара от вещей птицы.

Ворон, как с ним это частенько случалось, ответил иносказанием. Причем его же, Ивановыми стихами:

У тр-рех монахинь некогда случился спор-р,
А из того р-родился и р-раздор-р.
И сказывают впр-равду, и будто бы не вр-раки.
Что дело уж дошло до др-раки.
Одна др-ругой дала тотчас туза,
А тр-ретья им обоим цар-рапала глаза.
И все кр-ричали в беспор-рядке...

– Ты думаешь, надобно-таки начать с Покровской обители? – усомнился поэт. – Хотя я и сам собирался туда наведаться. Отдать Брюнете ее вещи...

– Бр-рюнета! – снова запопугайничал Проша. Экий вредина-то. Как упрется, ничем его не проймешь.

– Ладно, давай почивать. Утро вечера мудренее...

– Мудр-ренее!..

Снились Ивану этой ночью дела дивные да непонятные. Никак оттого, что натерпелся всякого за последние несколько дней. Или потому, что всегда так: скверно спится поначалу на новом месте. А то и перебрал чуток. Кто знает.

Однако ж привиделись ему те самые молодые монахи, с которыми он встретился на речном обрыве. И были они не в своих черных рясах да скуфейках, а в длинных алых мантиях и такого же цвета шапочках. В руках один держал коробочку с притираниями, а второй – какой-то медицинский инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.